

Дарья Донцова

Камасутра для Микки-Мауса

Евгений Романов
СРАЖЕНИЕ ВДРУГ АМАНТ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант

Дарья Донцова

Камасутра для Микки-Мауса

«ЭКСМО»

2003

Донцова Д. А.

Камасутра для Микки-Мауса / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2003 — (Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант)

Меня несколько не греет мысль, что не только я, Евлампия Романова, обладаю способностью вляпываться в скверные истории. Это же относится к нашему другу майору Костину. Случилось страшное – наш Володя женился! И теперь его ждет пожизненное заключение в четырех стенах с малопривлекательной женой Натой, которая еще и ухитрилась изменить ему в день свадьбы. Свидетельницей этого, конечно, оказалась я. Но черт меня дернул проследить за Натой, когда она назначила свидание любовнику. А там я стала ни много ни мало свидетельницей убийства. Хрупкая Ната застрелила любовника на глазах у толпы. Костин собрался уйти с работы – у мента не может быть жены-убийцы. Я должна помешать этому, тем более что припомнила одну деталь, которая говорит о том, что убийца не Ната. Я расшибусь в лепешку, но узнаю истину!..

© Донцова Д. А., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дарья Донцова

Камасутра для Микки Мауса

Глава 1

В историю трудно попасть, но очень легко вляпаться. Согласитесь, приятно, когда при рождении ангел целует ребенка в темя и младенец получает какой-нибудь талант. Мне тоже досталась отличительная от людей черта. Нет, я не умею писать, как Татьяна Толстая, петь, как Галина Вишневская, и танцевать, как Майя Плисецкая. Мой талант особого рода: я гениально впутываюсь в приключения. Причем, как правило, в идиотские. Не далее как вчера я пошла на проспект за хлебом и увидела в скверике прелестную маленькую девочку лет трех, жалобно плачущую на скамейке. Дитя было хорошо одето и решительно не походило на побирušку: румяное личико, чистенькое платьице и золотые сережки в крохотных ушках. Слезы потоком текли по пухлым щечкам, а в ручках девочка сжимала пластмассовое ведерко. Я сразу поняла, что малышка потерялась, и подошла к ней.

– Где твоя мама?

Наверное, ребенок не умел еще как следует говорить, потому что, всхлипнув, девочка заплакала еще горше. Я огляделась по сторонам, мимо тек равнодушный поток людей.

– Не плачь, мы сейчас пойдем в милицию, и там сразу отыщут твою маму, – с этими словами я попыталась поднять девочку.

Та завизжала в диапазоне ультразвука и принялась бить меня ножками в дорогих лаковых туфельках.

– А ну оставь в покое мою дочь! – раздалось сзади.

Я обернулась и увидела разъяренную девицу на вид лет восемнадцати в красной мини-юбочке и ядовито-зеленой блузке.

– Зачем к чужим детям на улицах пристаешь? – прошипела «элегантная» девка.

– Это ваша дочка?

– Ну!

– Она так плакала!

– И че?

– Я решила, что она потерялась, – принялась оправдываться я, – хотела отвести бедняжку в милицию.

– Вали отсюда, – нахмурилась девица, – сама роди и таскай потом детей по отделениям, а к чужим не подходи.

– Зачем же вы бросаете крошку одну! – Я решила все же пристыдить мамашу.

– Тебя не спросила, – рявкнула та, – вовсе она не одна, я тут в кустах стояла.

– Но почему?

– Блин, – со злостью выплюнула родительница, – наказала ее, орет, песком бросается, не слушается, вот и посадила тут одуматься.

– Так нельзя!

– Иди в – посоветовала девица, – че привязалась? Больше всех надо, да? Сколько народу мимо прошло, одна ты примоталась. Вали, пока я милицию не позвала!

Пришлось уйти с таким ощущением, будто съела муху. Шагая к метро, я приняла твердое решение: все, больше никогда не стану вмешиваться ни во что, но тут увидела, как пожилой мужчина бьет поводком маленькую лохматую собачку, и мгновенно налетела на него:

– Не смейте мучить животное!

Дядька вздохнул, отпустил шавку, и та моментально цапнула меня за ногу. От неожиданности я заорала. Моська рвала зубами мои джинсы, явно желая прогрызть не только брюки, но и кожу, мускулы, кости...

– Оттащите ее! – завизжала я.

Мужчина вновь шлепнул бестию поводком. Собачонка села, выплюнула порванный край штанины и нагло оскалилась.

– И что вы меня учить вздумали? – спокойно спросил пенсионер, с явным трудом поднимая пса. – Артур у нас пока маленький, не понимает, что людей нельзя хватать, играть ему охота, вот учу потихоньку, но не больно совсем. Зачем вы вмешались? Я вам за штаны деньги платить не стану, сами виноваты.

В отвратительном настроении я приехала домой, нарвалась на Лизу, которая моментально с укоризной заявила:

– Лампудель, сколько раз говорить! Не ходи через стройку, иди в обход!

Возле нашего дома начали возводить новое здание, площадку огородили, и путь до метро увеличился вдвое, поэтому многие жильцы, в том числе и я, предпочитают пролезать сквозь дверку в заборе и прыгать через ямы и кучи битого кирпича. Лизавета этого не одобряет.

– Я шла по тротуару! – сказала я сущую правду.

– А джинсы, – фыркнула девочка, – где так порвала?

– Это собака. – Я объяснила ситуацию.

Лиза выслушала меня и вздохнула:

– Ты неисправима! На фиг суешься куда не надо?

Я пошла в ванную, стащила брюки, хотела сунуть их в стиральную машину, но потом, оглядев вконец испорченную штанину, зашвырнула их в тот шкаф, где лежат тряпки, и принялась умываться. Лизавета права. Ну действительно, зачем я везду сую свой нос? Нет бы пройти спокойно мимо – и брюки были бы целы, и нервы не истрепаны!

В свете вчерашних событий утром я приняла историческое решение: даже если семь братков будут мучить кошку, спокойно пройду мимо, не повернув головы в их сторону. Но, слава богу, на улице не возникло никаких неприятных ситуаций, и я спокойно добралась до районного отделения милиции, где работает Андрей Коп. Андрюшкин папа – литовец, и на самом деле его фамилия звучит так, что и не выговорить, и не написать: Копсчявичус. Где-то в начале пятидесятых Витас, так звали папу, приехал в Москву и через некоторое время «обрубил» у фамилии хвост, что, в общем-то, было понятно. Витасу и в голову в то время не пришло, что у него родится сын, который пойдет работать в милицию, где его фамилия вызовет град насмешек. Впрочем, Андрюшкины коллеги давно привыкли и перестали насмехаться, а вот граждане, пришедшие в отделение со своими проблемами, начинают возмущаться, когда дежурный им говорит:

– Обратитесь к Копу.

Население сейчас поголовно смотрит американские боевики, и то, что янки зовут своих полицейских копами, знает даже грудной младенец.

Я поднялась по лестнице на второй этаж, прошла по длинному, выкрашенному серо-зеленой, унылой краской коридору и толкнула обшарпанную дверь. Перед глазами возникло крохотное помещенье, чуть больше туалета. Андрюшка занимает в отделении какой-то пост. Вроде он является начальником отдела уголовного розыска, но не спрашивайте у меня подробности, я их не знаю и должность тоже не назову правильно. Одно могу сказать – раньше он сидел в довольно большой комнате вместе с другими коллегами, а теперь имеет собственную кубатуру, где поместились устрашающий железный шкаф, выкрашенный темно-коричневой краской, письменный стол и два стула. При этом учтите, что Андрюхин вес зашкалил за сто кило, а рост его почти два метра и выглядит он в этом «офисе», словно пограничный столб на кухне.

– Ну, явилась! – нахмурился Андрюшка. – Договаривались же в десять! А сейчас пол-одиннадцатого.

– Опоздала, – без тени раскаянья согласилась я.

– Вот и сиди теперь, жди, пока я освобожусь, – мстительно заявил Андрюха и вышел в коридор.

Я устроилась за его письменном столом и огляделась. Стены были выкрашены той же жутковатой серо-зеленой краской, мебель приобретена при царе Горохе, окно с грязными, лет десять не мытыми, стеклами, да еще, несмотря на теплый август, заклеено. И если вы думаете, что кто-то просто поторопился подготовиться к предстоящему зимнему сезону, то глубоко ошибаетесь. На раме красуется пожелтевший от старости пластырь.

Ну отчего в милиции так убого? Ладно, я согласна, денег у начальства на ремонт нет, но неужели самому не противно сидеть в таком убожестве? Я бы давным-давно помыла окно, купила бы нормальную офисную лампу и приволокла из дома стул.

Ну да, здесь бывают уголовники! В конце концов так им и надо, пусть ерзают на продавленных сиденьях, но самому-то каково на таком крющиться! Может, сделать Андрюшке на день рождения подарок? А что, скинемся и купим ему приличное офисное кресло! Правда, оно скорее всего не войдет сюда...

– Здравствуйте, – раздалось с порога, – как я рада, что вы женщина!

Я повернула голову и увидела хрупкую даму в красивом светло-бежевом, явно очень дорогом костюме.

– Здорово, что вы женщина! – повторила она. – Вы меня поймете!

– В общем, я тоже довольна, что не мужчина, – ответила я.

– Вот, я пришла к вам!

– Ко мне? – изумилась я. – Но зачем?

Женщина села на покосившийся стул, сцепила перед собой холеные руки и заявила:

– Моего мужа, Анатолия Аргунова, убили.

– Боже! – ужаснулась я. – Кто?

– А это вам и предстоит выяснить, – спокойно ответила дама, – берите заявление.

– Но почему вы решили обратиться ко мне?

– А к кому еще? – рассердилась посетительница. – Сидите в кабинете, начальница...

Надеюсь, этого, противного такого, уволили?

Все стало ясно. Она приняла меня за сотрудницу милиции. Я раскрыла было рот, чтобы объяснить недоразумение, но тут в кабинет влетел Андрюшка и забасил:

– Марина Егоровна! Какой сюрприз! Опять к нам!

Женщина покраснела.

– Думала, вас, слава богу, уволили!

– Так не за что, – засмеялся Андрей.

– Очень даже есть за что! – обозлилась Марина Егоровна. – Почему не берете у меня заявление об убийстве Толи?

Андрюша ничего не ответил, взял трубку, набрал номер и без всяких эмоций заявил:

– Коп у аппарата. У нас снова здорово, подъезжайте.

– Вы с кем разговариваете? – напряглась Марина Егоровна.

– Это по служебной надобности, – ответил Андрей и велел: – Ну-ка, Лампудель, освободи место.

Я встала. Приятель втиснулся за стол и голосом, полным сочувствия, спросил:

– Напомните мне, как обстояло дело.

Марина Егоровна вздрогнула. Ее лицо приобрело какое-то странное выражение, словно у нее внезапно парализовало лицевые мышцы.

– Мы с Толиком сидели вечером дома. Квартира наша расположена на первом этаже, на окнах нет решеток. Конечно, это неразумно, но Толя говорил, что он не хочет ощущать себя заключенным. Стояла жара, хоть было уже девять часов. Мы посмотрели фильм, потом началась программа «Время». Толик увлекся новостями, я же пошла на кухню и стала готовить ужин, чистила картошку, разделявала селедку, в общем, провозилась больше получаса. Внезапно она замолчала.

– Может, водички? – участливо предложил Андрей и вытащил из стола бутылку «Боржоми» и пластиковый стакан. – Выпейте. Хорошо освежает...

– Когда я вернулась в комнату, – не обращая внимания на предложение Андрея, монотонно продолжала Марина, – Толик был мертв.

– Кошмар! – прошептала я. – Как же так!

Марина Егоровна повернулась ко мне:

– Кто-то влез в окно и убил моего мужа.

– Зачем? – не успокаивалась я.

Женщина всхлипнула.

– Не знаю, Толя никому, слышите, никому не причинил в жизни зла. Его все любили, уважали, ценили. Доктор наук, видный ученый... Мой муж воспитал сотни учеников, им написаны десятки книг, множество студентов читают его учебники.

– Но кто-то все же убил вашего мужа, – пробормотала я.

Андрюшка сердито глянул на меня, раскрыл было рот, но тут в кабинет вошел довольно полный мужчина в очень дорогом костюме и сказал:

– Простите, Андрей Викторович.

Вообще-то папу Андрюшки, как я уже говорила, звали Витас, но отчество Витасович трансформировалось в Москве в Викторович.

– Ничего, Юрий Сергеевич, – с явным облегчением заявил Андрей.

– Извините, бога ради!

– Да ерунда, я все понимаю.

Юрий Сергеевич повернулся к Марине Егоровне:

– Пошли, дорогая.

Она сидела, не шелохнувшись.

– Вставай, – решительно потянул ее за руку Юрий, – нам надо ехать.

– Куда? – голосом сухим и бесцветным спросила Марина.

– Ты разве забыла? – фальшиво удивился Юрий. – Мы же собирались сегодня в «Крокус-сити» подъехать, коврик в ванную купить.

Лицо Марины слегка порозовело. Она кивнула и встала. Юрий обнял ее за плечи и подтолкнул к двери. Она, словно гигантская кукла, сделала несколько шагов, потом резко остановилась:

– Его убили.

– Да, да, – хором ответили Андрей и Юрий.

Потом второй добавил:

– Поехали за ковриком, Андрей Викторович разберется.

– Он не берет у меня заявления, – тоненьким, жалобным голосом протянула Марина.

– Ну что вы, – улыбнулся Андрей, – давайте откроем дело.

Марина протянула ему листок. Андрюша положил его на стол и улыбнулся.

– Поезжайте спокойно в «Крокус-сити», как только возникнет хоть малейшая ясность, я мигом сообщу.

Марина кивнула и вышла. Юрий поставил возле стола пакет.

– Не побрезгуйте, Андрей Викторович, молдавский, натуральный, не «Хенесси» поганый.

– Зря вы это, – покачал головой майор.

– Уж извините, – еще раз сказал Юрий и тоже ушел.

– Вот горе-то, – вздохнул приятель, вынул из пакета пузатую бутылку коньяка и поставил ее в сейф. Потом он взял листок, полученный от Марины, разорвал его на мелкие кусочки и выбросил в корзину.

– Что ты делаешь? – удивилась я. – Это же заявление!

Андрей достал сигареты.

– Марина сумасшедшая.

– Да ну? И Толика не убивали? Она рассказала неправду? Ее муж этот Юрий?

Андрей принялся рыться в ящиках стола.

– Сейчас да, однако пару лет назад она и впрямь была замужем за Анатолием Аргуновым, но он умер.

– Сам?

– Точно, – кивнул Андрюшка. – Кстати, все услышанное тобой – абсолютная правда. Они и впрямь смотрели телек, потом Марина ушла на кухню, оставив мужа у экрана, а когда вернулась, Анатолий был мертв. Только в его смерти не было ничего криминального, обширный инфаркт, или, как говорили в старину, разрыв сердца. Никто к ним в окно не лазил, эксперт совершенно точно установил причину смерти. Анатолий жаловался на сердце, даже собирался делать операцию в кардиологическом центре, но не успел.

– Но почему Марина пришла к тебе?

Андрюша захлопнул ящик.

– Крыша у нее поехала. Прикинь, какой шок баба пережила. Жарила муженьку котлеты, положила их на тарелочку, внесла в комнату, а там труп! Провела пару месяцев в психиатрической клинике, память она потеряла. Потом кое-как восстановилась, но, вот парадокс, начисто забыла про мужа и про то, что была замужем. Детей у них с Аргуновым не было, родственники и коллеги по работе ее жалели, ни о чем не напоминали. Она и пошла в загс с Юрием. А потом вдруг – бац! – вспомнила правду, и теперь ходит сюда и требует открыть дело. У нее прямо идея-фикс – отыскать того, кто убил Анатолия. Этот Юра просто святой, представляешь, каково терпеть возле себя бабу с таким прибабахом?

– Да уж, – пробормотала я, – но мне она не показалась психопаткой.

– Так в основном она совершенно нормальная, – пожал плечами Андрей, – работает в столовой поваром.

– погоди, но она говорила, что ее покойный супруг доктор наук, великий ученый.

– И что?

– Ну как-то это не вяжется с женой-поваром.

– Может, он поесть любил, – парировал Андрей, – а насчет доктора наук... Сейчас много всяких таких развелось негосударственных структур, академиями называются, университетами, а их сотрудники все сплошь академики и профессора, только к настоящей науке они никакого отношения не имеют, диссертаций не писали, на ученом совете их не защищали и на ВАКе не утверждали. Фуфло, одним словом, но звучит красиво: «Профессор академии небеснокосмобиологических наук, заведующий кафедрой астропрогнозирования развития личности». А на самом-то деле что? Гороскопы он людям составлял за деньги.

– А учебники? Толпы студентов?

Андрей встал.

– Ну учится же кто-то в этой кретинской академии. Ну что, так и будем ерунду обсасывать? Знаешь, сколько психов сюда ходит? Сам скоро идиотом стану. Пошли, у меня только два часа! А задача сложная, давай шевелись, Лампудель.

Я вышла в коридор и стала наблюдать, как приятель, ворча, роется по карманам в поисках ключей от кабинета. Задача нас и впрямь ждала не простая, потому что завтра в десять утра

Володя Костин идет в загс со своей невестой, а мы с Андрюшей должны купить ему подарок на собранные друзьями деньги.

Глава 2

Те, кто не первый раз встречается со мной, естественно, в курсе того, кем является для меня Вовка¹. Тем же, с кем вижу впервые, поясню: Володя Костин наш лучший друг, скорее уже родственник. И живем мы в соседних квартирах.

Женщины менялись в жизни Володьки, словно стеклышки в калейдоскопе. Я даже и не пыталась запомнить их имен. Впрочем, хитрый Вовка, чтобы самому не запутаться, изворотливо называл всех своих обоже «киска». Кисок у него было неисчислимое множество, самых разных размеров и мастей. Обычно мужчины предпочитают определенный типаж. Одним нравятся блондинки с округлыми формами, другим сухопарые брюнетки, но Костин «всеяден». И еще: ни одна «киска» не задерживалась у него больше чем на три месяца. И если вы думаете, что девушки убегали, когда понимали, что их кавалер не слишком обеспечен и пропадает день-деньской на работе, то ошибаетесь. Вовка сам их бросал, мотивируя разрыв отношений коротко:

– Надоела, говорит много.

Теперь понимаете, как мы все удивились, когда очередная «киска» задержалась? Потом выяснилось, что у нее есть имя Ната и фамилия Егоркина. А месяц назад Вовка пришел к нам, собрал всех в гостиной – меня, Катюшу, Лизавету, Кирюшку, Сережку и Юлечку, – а потом торжественно объявил:

– Я женюсь!

– Еще один несчастный, – вздохнул Сережка, за что мигом получил от Юльки подзатыльник.

– А зачем тебе это надо? – удивилась Катюша.

Вовка надулся.

– Как это? Нужно же когда-то обзаводиться семьей!

Кирюшка мигом влез в разговор:

– По-моему, ты не создан для семейной жизни. Брак убивает любовь!

Катюша уставилась на младшего сына. Сережка тоже поглядел на брата и воскликнул:

– Однако ты продвинутый, откуда про брак-то знаешь?

– Теперь в школе предмет такой есть, – сообщила Лизавета, – психология и этика семейной жизни.

– Мы как-то без него жили, и ничего, – пробормотала Катюша.

– Между прочим, кое-кто не первый раз в разводе, – язвительно заявила Юля.

Катюша вздохнула.

– Думаю, мои браки от теоретических знаний не стали бы крепче.

– Что вы обсуждаете? – вскипел Вовка. – Не поняли разве, я женюсь!

– Поняли, – успокоила его Юлька, – но мы не можем при тебе обсуждать невесту! Вот уйдешь, и мы отведем душу.

– А на ком? – полюбопытствовала Лизавета. – На «киске»?

– Ее зовут Ната, – отчеканил Вовка, – попрошу запомнить – Ната Егоркина, в ближайшем будущем Костина.

– Ты так не дергайся, – вздохнул Сережка, – больно только первый раз, потом привыкнешь.

– Шутник фигов, – прошипел Костин и ушел.

– Да, – растерянно пробормотал Сережка, – вон что любовь с человеком делает! Совсем чувство юмора потерял, бедняга...

¹ См. цикл книг про Евлампия Романову. Изд-во «ЭКСМО».

Вовка дулся два дня, потом оттаял и привел «киску» к нам на чаепитие. Мне девица не понравилась с первого взгляда: маленькая, тощенькая, довольно невзрачная. Да еще у нее была на редкость идиотская прическа: начесанные, взбитые кудряшки, в которых торчала большая заколка в виде бабочки. Очевидно, девушка хотела казаться выше, но почему-то стала похожей на таксу. Слишком топорщившиеся волосы словно прибили хозяйку к земле. Личико у «киски», ох, простите, у Наты, было ничего. Правда, его слегка портили большие, чуть навывкате глаза и полуоткрытый рот.

– Похоже, у нее проблемы со щитовидкой, – задумчиво констатировала Катюша, когда сладкая парочка ушла. – Может, предложить ей прийти ко мне на прием? Хорошо бы кровь на анализ сдать.

– Лучше сначала к отоларингологу, – вкрадчиво отозвалась Юлечка.

– Почему? – наивно поинтересовалась Катюша.

– Рот все время открыт, – пояснила Сережкина женушка, – похоже, у нее аденоиды.

– Аденоиды с возрастом усыхают, – заявила Катюша.

– А у этой больше стали, – настаивала Юлечка.

– Сколько ей лет? – поинтересовалась я.

Все замолчали и уставились на меня. Через пару секунд Сережка отмер:

– Знаешь, Лампудель, у тебя есть восхитительная манера задавать абсолютно неуместные вопросы. Какая разница, сколько ей натикало. Не в этом дело! Страшная она, прямо жуть, что это Вовку на ней заклинило!

– Может, еще передумает! – с надеждой воскликнула Лизавета.

Но Костин не собирался менять планов, и пару дней назад мы получили каждый по розовому приглашению с изображенными по углам целующимися голубками.

– Торжественный обед состоится по адресу: город Бонаково, улица Ремонтная, территория автобазы ь 5, – прочитал Сережка и хмыкнул. – Нас что, в автобусе кормить будут?

– Нет, конечно. – Вовка постарался не выйти из себя. – Там есть ресторан.

– Ресторан при автобазе, – протянула Юлечка, – звучит заманчиво.

– Ты не мог поприличнее место подыскать? – упорствовал Сережка. – У меня бы спросил! Полно хороших мест в Москве. Где это Бонаково? Туда за неделю выезжать?

Костин пошел красными пятнами.

– Бонаково ближе Зеленограда, десять минут езды от метро «Речной вокзал», на маршрутке.

– Но почему там? – не успокаивался Сережка.

– Ната оттуда родом, – пояснил Вовка, – тесть с тещей попросили, чтобы в Бонакове, у них там родни сто человек, а у меня только вы. Впрочем, – продолжил он обиженным тоном, – если далеко, можете не утруждаться!

– Конечно, приедем, – вскочила Катюша, – а что вам подарить?

И вот теперь нам с Андрюшей надо купить новый диван, потому что Ната категоричным тоном заявила:

– Семейное ложе должно быть новым!

Подгоняемая Андреем, я выбрала раскладную софу, и Коп помчался на работу, выкрикивая:

– Значит, завтра в десять утра, в Бонакове.

Ради такого случая мы расфрантились, как могли. Сережка влез в черный смокинг, подпоясался красным кушаком и натянул лаковые ботинки. Юлечка надела алое приталенное платье, в ушах сверкали бриллиантовые «гвоздики». Лизавета, проведя два часа у зеркала и бесконечно повторяя: «Боже, я толстая, как старая собака, и мне абсолютно нечего надеть», влезла в полупрозрачный розовый шифоновый костюм с «рваной» юбкой.

Я хотела было сказать, что это одеяние нелепо смотрится на подростке, но увидела ее страшно довольную мордочку и проглотила замечание. Кирюша ради торжественного случая расстался с джинсами и облачился в серый костюм, который скинул ему с барского плеча старший брат. И у всех в руках были огромные букеты.

Слегка поспорив, мы разместились в двух машинах и уже собрались ехать, как Кирюшка, воскликнув: «Вот черт, совсем забыл», убежал в дом.

Спустя десять минут, когда Сережка начал нажимать на гудок, мальчик вернулся, таща двух наших мопсик. Муля была украшена розовыми бантами, а Ада белыми.

– Ты с ума сошел, – взвилась Юлечка. – Вовсе нет, – сообщил Кирюшка, – им тоже охота на свадьбу посмотреть.

Спорить было некогда, и мы прихватили с собой и собак. В конце концов мопсик поспят в машине, никакого вреда от них не будет.

За пятнадцать минут до урочного времени мы приехали на площадь и припарковались. Площадь перед загсом оказалась забита иномарками. Тут и там стояли группки празднично разодетых, веселых людей. Женихи, затянутые в слишком тяжелые для жаркого лета черные костюмы, нервничали, невесты, все как одна, оказались беременными, что совершенно не помешало им надеть белые платья и фату, символ невинности.

– А где Володя? – начала озираться Катя.

– Сейчас подъедет, – сказал Сережка и замахал руками: – Эй, ребята, сюда!

Я увидела, как к нам приближается группа Вовкиных коллег, тоже нарядных и с букетами. Не успели мы поздороваться, как вдруг на площадь, дребезжа всеми своими изношенными частями, въехал слегка побитый автобусик с надписью «Ритуал». Я разинула рот. На довольно большой круглой площади стояло несколько официальных зданий. Справа – Дворец бракосочетаний, слева – длинный одноэтажный дом, украшенный флашштоком, на котором реял триколор. Наверное, это была местная мэрия. Между этими зданиями находилось еще одно, непонятного назначения, мрачное, без окон и вывески. Неужели это крематорий? Однако как в этом Бонакове все ловко задумано: загс, похоронное заведение и администрация – все рядом. А что? Очень даже удобно.

– По-моему, эти, в автобусе, слегка ошиблись адресом, – хихикнул Сережка, глядя, как из недр «ЛиАЗа» выбираются потные мужики в черных костюмах.

– Ой! – закричала Лизавета. – А вот и Володя.

Из автобусика выскочил Костин и протянул руку Нате.

– Однако, – пробормотала Катюша, – странную машину они выбрали, чтобы ехать на регистрацию брака.

– Может, другой не нашлось, – озабоченно ответил Андрюшка Коп.

Наконец Ната очутилась на земле, начались объятия, поцелуи... На мой взгляд, невеста была одета просто ужасно. Белое платье с пышной огромной юбкой, стоящей колоколом, делало ее похожей на кочан капусты. Очень широкое внизу, кверху оно резко сужалось и заканчивалось в том месте, где обычно у женщин находится грудь. Только не подумайте, что я смеюсь над дамами, которых господь не обеспечил бюстом. У меня у самой, при весе сорок девять килограммов, большие проблемы с грудью, честно говоря, лифчик первого номера мне безнадёжно велик. Но все-таки хоть какой-то намек на бюст у меня есть, а Ната была плоской, как доска. В довершение всего ее обнаженные плечи покрывали красные пятна. Мне стало жаль дурочку. Ей-богу, некоторые представительницы слабого пола специально одеваются так, чтобы выглядеть нелепо. Простой белый костюм с узкой юбочкой до колен пошел бы Нате намного больше и подчеркнул бы девичью хрупкость ее фигурки. И уж совсем не следует обнажаться, если у тебя проблемы с кожей, потому что сейчас большинство присутствующих гадают: то ли Ната так нервничает, то ли болеет псориазом.

– Похоже, Вовка и впрямь влюбился, несчастный, – вздохнул Сережка.

– Ты полагаешь? – шепнула я в ответ.

Он округлил глаза.

– Думаешь, на этой красотке можно жениться из других побуждений? Нет, Вовчик пал жертвой Амура и как следствие ослеп, оглох и поглупел.

– Давайте, давайте, стройтесь по ранжиру, – принялась суетиться возле нас тощая и длинная как жердь черноволосая тетка лет пятидесяти.

– Строиться? – поморщилась Юлечка. – Зачем?

– Чтобы войти в зал как положено, по старшинству, – заявила тетка. – Значит, так! Впереди жених с невестой, потом свидетели, следом мы с отцом, затем Наточкины подружки...

– Это кто такая? – недоуменно спросил Андрей. – Администратор из загса? Или массовик-затейник?

Я пожала плечами и хотела ответить: «Понятия не имею», но вдруг Ната обернулась и сообщила:

– Это моя мама.

Андрей растерянно замолчал, а я перепугалась, только сейчас до меня дошло, что вместе с молодой женой у несчастного Вовки появятся теща, тесть и куча других родственников, вот они стоят плотной группой и недоверчиво поглядывают на нас. Откуда ни возьмись вынырнула бестелесная девчонка примерно одного возраста с Лизаветой и стала снова между присутствующими, раздавая какие-то значки. Добралась она и до меня.

– Вы кем жениху будете? – деловито спросила она.

– Приятельницей, – ответила я.

Девчонка сунула мне круглый значок пронзительно голубого цвета с розовой надписью «Подруга».

– Приколите на кофточку.

– Зачем?

– У нас сценарий, – загадочно ответила девчонка и пошла дальше. Скоро все участники торжественной церемонии были «украшены» железными кругляшками с надписями «Теща», «Тесть», «Друг», «Брат». На мой взгляд, весьма полезное начинание. По крайней мере, мне хоть стало ясно, кто есть кто. А то ломай голову, кем Вовке приходится мужик с бегающими глазами алкоголика, одетый в жуткий костюм, купленный, очевидно, в начале 60-х. А костюм-то не коньяк, лучше от возраста не делается. Зато теперь и мучиться не надо, смотри на лацкан и читай: «тесть». И носки у него страхолюдские: красные, с люрексом. Где только отрыл такую «красотищу»? Тут вдруг до меня дошло. Тесть! Вот кошмар! Этот пьянчужка отец Наты, а долговязая, всем недовольная тетка с пронзительным, командирским голосом, проникающим до печенок, – его жена, то бишь Вовкина теща. О господи, спаси Костина! Неужели он настолько влюбился в эту невзрачную девицу, что не пригляделся к родственникам? Ведь не зря народная мудрость гласит: хочешь узнать, какой будет твоя жена в старости, посмотри на ее мать! Хотя Ната, очевидно, пошла в отца, во всяком случае, «жерди» она едва достает до груди, и что совсем отрадно, в отличие от не закрывающей ни на минуту рот мамашки Ната молчит.

– Идемте-идемте, – продолжала безостановочно командовать мамаша, суетливо выстраивая всех парами, – давай, отец, становись за Наткой, мы должны вторые идти, мы тут главные, потом сестра, эй, Магдалена...

Девочка, только что раздававшая значки, встала в шеренгу. В результате всех пертурбаций мы оказались замыкающими.

Маменька окинула хищным взглядом процессию и заорала:

– Это что?

Я обернулась и увидела страшно довольных Кирюшку и Лизавету, которые держали на руках улыбающихся мопсик. На банте, украшавшем Аду, был прикреплен значок «Подруга», Муля стала обладательницей надписи «Шурин».

– Это что?! – продолжала вопить теща Костина.

Я проглотила смешок и ответила:

– Мопсы.

– Мопсы? – переспросила милая родственница, делая ударение на букву «ы». – Мопсы? Немедленно уберите, нам мопсов не надо, без мопсов обойдемся. Это свадьба, а не хаханьки!

– А мне кажется, что на свадьбе положено смеяться, – вздохнул Сережка.

– Унесите собак в машину, – попросила я.

– Они тоже хотят посмотреть, – хором ответили Кирюша и Лизавета.

Внезапно младшая сестра невесты, девочка со странным для российского уха именем Магдалена, подошла к нам и восхищенно воскликнула:

– Ой, какие классные! Жирненькие, складчатые, можно, я их поглажу, у меня руки чистые!

– Валяй, – в голос воскликнули Кирюшка и Лизавета.

Те, кто начинает нахваливать Мулю и Аду, вмиг становятся друзьями наших детей.

– Не трогай собак, у них глисты, – взвизгнула маменька.

Кирюша явно хотел ответить: «У тебя у самой солитер!», но Лизавета наступила ему на ногу и приветливо сказала Магдалене:

– У нас дома еще две собаки есть: Рейчел и Рамик.

– Клево! – завистливо вздохнула девочка. – А у нас даже хомячка нет.

– Попрошу брачующихся пройти в зал, – торжественно возвестила грудастая тетка, перепоясанная широкой красной лентой с надписью «Администратор».

Похоже, в Бонакове бейджики были не в ходу, тут любили значки и перевязи.

Все цепочкой потянулись вперед. Первыми, естественно, шли Вовка и Ната. Я обратила внимание, что невеста за все время не вымолвила ни слова. И вообще, она не выглядела особо счастливой, скорей испуганной и подавленной. Услышав вопрос:

– Добровольно ли вы приняли решение вступить в брак, – Ната дернулась, покраснела и ответила еле слышно: «Да».

– Теперь возьми жену на руки, – засуетилась маменька, когда все стали выходить из загса.

Но Вовка проигнорировал приказ тещи и просто обнял молодую супругу за плечи.

– Эх, торопись, – потер ладони тесть, – стол накрыт, суп кипит, залезай, ребя, в автобус!

– Замолчи, – мигом пнула его жена, – не позорь меня! Тебе бы, Юрка, только напиться.

Проходите, гости дорогие, в автобус, садитесь, сейчас поедem по городу кататься!

– Зачем? – спросила Лизавета.

Маменька нахмурилась, но все же ответила:

– Положено так, чтобы, как у людей было: сначала к памятнику павшим, потом в Музей города.

Мы покорно подошли к автобусу.

– А сюда все не влезут, – отрезала теща.

– Ну и хорошо, – заявил Андрей, – я сам не сяду в катафалк с надписью «Ритуал», мне еще рановато на кладбище.

Мамаша глянула на ветровое стекло автобуса и на секунду замерла с открытым ртом, потом завопила, перекрывая гул людских голосов:

– Юрка! Гад! Ничего поручить нельзя! Ты какой автобус на своей базе взял?!

Новоиспеченный тесть вылез из машины и забубнил:

– Ладно тебе, Клавка, табличку снять забыли, с кем не бывает. Делов-то, картонку убрать, чего буянишь!

– Ну погоди, – прошипела жена, – я с тобой потом разберусь!

Очевидно, Клавдию душила злоба, потому что она мигом отвесила затрещину Магдалене, тихо стоящей рядом. Девочка, не ожидавшая ничего плохого, пошатнулась и стукнулась головой об автобус.

Мы с Катюшей переглянулись, но удержались от замечаний, а Юлечка воскликнула:

– За что вы ее?

– Сами в своей семье разберемся, – процедила сквозь зубы маменька и исчезла в салоне.

Юра и Магдалена влезли следом.

– Да уж, – протянул Сережка, – мне совершенно расхотелось ехать в этот ресторан при бензоколонке.

– Харчевня на автобазе, – машинально поправила Катюша и добавила: – Нам все равно придется сидеть за праздничным столом, если сейчас уедем, это будет выглядеть демонстративно. И потом, мы обидим Володю.

– Уговорила, – буркнул Сережка. – Вот не повезло Вовке, ну и семья!

– Может, все еще не так и страшно. – Катюша тут же принялась заниматься психотерапией. – Как хирург, могу сказать, что в стрессовых ситуациях большинство людей ведет себя неадекватно.

– Так тут же свадьба, а не горе! – влез Кирюшка.

– Стресс случается и от радости, – пояснила Катя.

Автобус развернулся, водитель высунулся из окна и крикнул:

– Эй, кто на своих автомобилях, хвостом поедете.

Мы сели в машины. В заднем окне автобуса маячило личико Магдалены. Девочка улыбалась и махала нам рукой. Лизавета, сидевшая на переднем сиденье, подняла Аду и стала трясти ее правой лапой. Магдалена начала хохотать, но тут около нее появилась Клава и отвесила дочери новую оплеуху.

– Вот гадина, – прошипела Лизавета.

– Ничего, – мстительно заявил Кирюшка, – еще не вечер.

Глава 3

Я не буду вам описывать поездку по городу. Скажу лишь, что мотались мы почти четыре часа, останавливаясь у местных достопримечательностей. Открывали там очередную бутылку шампанского, пили из пластиковых стаканчиков и отправлялись дальше. На третьем бокале я, чувствуя, как тяжелеет голова, наплевала на все приличия и стала выливать шипучку на землю. Гости же со стороны невесты охотно поглощали хмельную газировку и в конце концов слегка опьянели. Не пили из них только трое: Юра, Клава и Магдалена. Скорей всего отец Наты с большим удовольствием приложился бы к бутылке, но около него злобным Аргусом стояла жена. Она настолько была поглощена слежкой за супругом, что упустила из виду Магдалену. Девочка влезла в машину к Катюше и безостановочно поглаживала мопсик, приговаривая:

– Ой, какая, ой!

Муля и Ада, обожавшие ласку, растеклись по сиденьям и постанывали от удовольствия. Потом, опасливо глянув в сторону матери, Магдалена поцеловала собачек в складчатые мордочки и прошептала:

– Они так суперски пахнут, жвачкой!

– Это шампунь, – пояснила Лиза, – собачий!

– Для них мыло делают? – изумилась Магдалена.

– А вот еще, смотри, – Кирюшка раскрыл сумку.

– Ого! – воскликнула новая знакомая.

Дети начали самозабвенно рыться в игрушках, которые мы скупаем в ветеринарном магазине «Марквет».

К пяти часам вечера кавалькада прикатила во двор, весь заставленный грузовиками и автобусами, мы протиснулись между какими-то ржавыми остовами машин, вошли в длинное здание, поднялись на второй этаж и оказались в зале. Я чуть не скончалась на месте.

Огромные окна, от пола до потолка, делали помещение похожим на аквариум. Солнце било в стекла, занавесок или жалюзи тут не предусматривалось, кондиционера тоже не было. Под потолком бешено вертел лопастями вентилятор, но толку от него было чуть, жара в помещении стояла эфиопская, и мой тонкий брючный костюм из невесомого шелка мигом прилип к вспотевшему телу.

А еще в воздухе висел удушающий запах дешевой столовой. Те из вас, кто хоть один раз обедал в системе того, старого, советского общепита, поймет, что я имею в виду. «Люля кебаб с гарниром» и компот... Тарелочку с золотым ободочком и граненый стакан, где в мутной желтоватой водичке плавают кружок яблока, ставили на столик, покрытый пластиком. Не успевали вы взять слегка липкую алюминиевую ложку с мятой ручкой, как откуда ни возьмись появлялась бабища самого неопрятного вида. Вместо фартука она была повязана грязным полотенцем. Ворча, уборщица начинала возить по столешнице куском серого от «чистоты» вафельного полотенца, распространявшего миазмы.

– Ну народ, едрить вас в корень, наплевали, нагваздали, а я убирай!

Так вот, в зале, где сейчас начинался праздничный ужин, воняло котлетами и тряпкой. Но хуже всего выглядела еда. Салаты «Оливье» и «Рыбный», утонувшие в майонезе, мясное ассорти, блестящее от жира, розеточки со слегка обветренной красной икрой, пирожки... Создавалось ощущение, что на календаре год этак восьмидесятый, причем зима, потому что на столе полностью отсутствовали овощи и фрукты. Я приуныла, есть хотелось зверски, но подобные «деликатесы» я не употребляю в пищу, люблю легкие салаты, без мяса или колбасы, а таких тут нет. Вот чего было много, так это выпивки, причем не вина, а водки, теплой и, очевидно, противной.

Не успели мы сесть на отведенные места, как из двери, ведущей на кухню, выскочил вертлявый лысоватый мужичонка и заверещал:

– Гости дорогие, начинаем нашу свадьбу! Поприветствуем молодых! Сейчас выясним, кто из них будет в доме главным. А ну, кусайте эту булку одновременно с двух сторон!

Вовка и Ната повиновались с несчастными лицами, а я поняла, что место проведения ужина и меню еще ничего, самое ужасное – наемный тамада, массовик-затейник, неутомимый и бесцеремонно веселый.

Вечер потек по заготовленному сценарию. Мужики и бабы налетели на выпивку и угощение, ведущий хохмил без устали. Причем все его шуточки были таковы, что процитировать здесь я не могу ни одну. Через час мне стало понятно, если сейчас не умоюсь, то просто сойду с ума!

Туалет был на первом этаже. Я открыла кран с холодной водой и сунула руки под вяло текущую струю. Хорошо-то как! Бедный Вовка, ну и родственнички же ему достались! Интересно, кем работает эта Клава? Юрий, похоже, водитель автобуса. А Ната? Я вообще ничего про нее не знаю.

Закрыв кран, я уставилась в окно. Мы с Катюшей проявили преступное безразличие. Следовало сразу, как только Костин заявил о женитьбе, поинтересоваться: кто у невесты родители? Может, узнав правду, мы сумели бы открыть майору глаза, но теперь уже поздно! Хотя мы живем не в католической Италии, разводы в России разрешены.

Внезапно мне стало грустно. Выбирал Вовка, выбирал и довыбирался, отрыл себе красивую, умную, из хорошей семьи. Да где были его глаза? Или правда так влюблен, что ослеп?

Я продолжала тупо смотреть в окно. Перед глазами расстился пустырь, покрытый чахлой, серо-желтой травкой, окно выходило на задний двор. Сбоку стояла скамеечка, на ней курил парень лет двадцати пяти; выглядел он весьма эксцентрично. Волосы юноши были крашеными: верх светлый, низ черный. Длинные пряди, спереди свисавшие почти до плеч, сзади были собраны в хвост. А зеленые ботинки совершенно не сочетались с его жемчужно-серым костюмом. Наверное, кто-то со стороны жениха, как и я, устав от духоты и шума, решил освежиться на воздухе.

Я уже собралась возвратиться в зал, как к скамейке подлетела девушка в пышном белом платье. Паренек вскочил и схватил Нату за плечо. Невеста отдернула руку и что-то гневно сказала. Юноша тоже рассердился, и несколько минут парочка бурно выясняла отношения. Потом он вдруг обнял Нату, та обвила его шею руками, последовал долгий страстный поцелуй.

Я чуть не упала на выщербленную плитку. Ну и ну, только пять секунд замужем – и что вытворяет!

Парочка не собиралась разъединять объятий. Юноша начал целовать шею, потом плечи Наты, его руки принялись расстегивать крючки на ее платье. Внезапно он остановился и потянул ее куда-то в сторону. Она покорно пошла за ним. Я чуть не свернула шею, пытаюсь увидеть, куда они направились.

Очевидно, парень хорошо знал автобазу, потому что втащил Нату в сооружение, больше всего напоминающее трансформаторную будку. Дверь украшал огромный замок, но парень пошарил рукой где-то слева и выудил ключ.

Я вновь пустила холодную воду и принялась умываться. Черт с ней, с косметикой.

Минут через десять парочка появилась во дворе. Паренек застегнул крючки на платье партнерши, Ната кинулась ему на шею. Было видно, что они знакомы давно и, наверное, не первый раз посещают эту будку.

Внезапно Ната заплакала, юноша вынул из кармана носовой платок, нежно промокнул ей глаза, потом поцеловал в нос и подтолкнул. Девушка пошла назад. На ее лице застыло выражение такого отчаянья, такого безмерного горя, что мне стало жаль ее до глубины души. Я снова

открыла воду. Но умыться в очередной раз не успела, за дверью послышались быстрые шажки, и чья-то рука повернула ручку. В мгновение ока я заскочила в кабинку и заперлась.

Вошедшая тоже пустила воду, а потом стала плакать, да так горько, что у меня сжалось сердце. Устав стоять, я прислонилась было к стене, но тут же обвалила уродскую железную конструкцию, выполнявшую тут роль держателя для туалетной бумаги. Плач моментально стих. Пришлось дернуть ручку слива воды и выйти как ни в чем не бывало наружу.

Над умывальником склонилась Ната.

– Безумно душно, – сказала она, плеская на лицо воду, – придется заново краситься, вся тушь от жары стекла.

– Вы плакали? – в лоб спросила я.

– Кто?

– Вы.

– Плакала?

– Ну да, мне послышались рыдания.

Ната улыбнулась.

– Наверное, напевала. У меня привычка петь, когда умываюсь, а с голосом и слухом беда, вот вам и показалось!

– Но у вас красные глаза и нос, – не успокаивалась я.

– Да? – изумилась Ната и посмотрела в зеркало. – Действительно. Наверное, в салатах есть яйца, вот и началась аллергия. Ничего, сейчас выпью кларитин и подкрашусь. Прямо беда, яйца-то везде кладут, а мне их даже нюхать нельзя, видите, как не повезло!

Продолжая болтать, она открыла сумочку и принялась деловито намазывать на лоб и щеки тональный крем.

– У вас весь подол платья в пыли, – пробормотала я.

Ната подняла пышную юбку и улыбнулась.

– Да уж! Грязь на платье невесты! Звучит как название любовного романа! Ну, я не стану вам мешать, небось тоже подкраситься хотите.

С этими словами она выскользнула за дверь, я вытащила пудреницу и привела в порядок лицо. Однако эта маленькая Ната – отлично владеющая собой дрянь.

Когда я поднялась наверх, тамада затеял конкурсы. Сначала выстроил гостей шеренгами и заставил передавать друг другу носовые платки без помощи рук. Затем водрузил в конце зала бутылку с шампанским, выдернул из кучи гостей Сережку и незнакомого мне красномордого мужика и дал им по мешку. Я чуть не подавилась – бег в мешках, национальная забава советских людей, проводивших отпуск в профсоюзных здравницах.

– Давненько я в смокинге в мешке не скакал, – пробормотал Сережка, распутывая серо-зеленую ткань.

Я отошла в сторону и села в кресло, ко мне тут же подскочила вертлявая тетка и без особых церемоний спросила:

– Привет, ты кто?

– Лампа.

Женщина засмеялась.

– Какая? Электрическая?

Я улыбнулась в ответ, люди никак не могут придумать ничего оригинальнее. Этот вопрос я слышу постоянно.

– Меня зовут Евлампия, сокращенно Лампа.

– Аня, – бойко представилась бабенка. – Похоже, ты не из наших? Не из невестиных? Или я путаю? Тут еще Клавкины родичи из деревни есть, всех не знаю.

– Я подруга жениха.

– Кто? – подскочила Аня. – Ну ни фиги себе! Он с бабами дружит!

Поняв, что все родственники со стороны Наты идиоты, я решила исправить положение:
– Мы с Володей родственники.

– Какие? – подозрительно спросила Аня, ощупывая цепким взглядом мою фигуру.

– Двоюродный брат он мне, – лихо соврала я.

Лицо Ани разгладилось.

– Ясненько, а то – подруга! Звучит-то плохо!

Я хотела было сердито сказать: «Ваша невеста, между прочим, тот еще фрукт», но промолчала. Какой смысл вступать в перебранку?

– Значитца, породнились теперь, – подвела итог Аня. – Я – племянница троюродной тетки Юрки. Поняла?

– Да, – пробормотала я, – чего не понять. Племянница троюродной тетки – очень просто.

– Не удалась свадьба! – покачала головой Аня, плюхаясь в кресло возле меня.

– А на мой взгляд, здорово получилось, – покривила я душой. – В загсе очень торжественно было, хорошо покатались по городу, еда вкусная, всем весело...

Аня махнула рукой.

– Ничего запоминающегося, так у всех. Вот Матвейкины полгода назад женились, так Бонаково до сих пор гудит.

Мне стало интересно.

– И что же у них было?

Аня наклонилась ко мне:

– Не знаешь?

– Откуда бы!

Глаза моей собеседницы зажглись радостным огнем.

– Сначала все как у всех: пили, пели, плясали. А потом тесть зятя молодого зарезал. Взял ножик прямо со стола и воткнул. Ровнехонько в сердце угодил! Прикинь, что началось!

– Ужас! – воскликнула я.

– А то! – с горящими от возбуждения глазами неслась дальше Аня. – Такое приключение вышло! Ментов понаехало! Прямо как в кино! До сих пор все обсуждают, вот это да, вот это здорово вышло, а у Натки скукотища. Сейчас папашка ее нажрется до усеру и поколотит Клавку, больше никаких развлечений не предвидится. Только он ее всегда с пьяных глаз лупцует, эка невидаль!

Я уставилась на Аню. Нужных слов для ответа ей я не нашла. Да и что сказать? Честно говоря, я пребывала в растерянности.

– У Власовых, – тарыхтела сплетница, – тоже ничего получилось! Светка со свекровью подралась! Вывернула ей «Оливье» на морду! Цирк смотреть!

Странно, однако, устроен человек. Если ваш дедушка благополучно женился на бабушке и прожил с ней в мире и согласии сорок лет, этот факт никого не заинтересует. А вот если на свадьбе вашего дяди новая жена вдруг выскочит из-за стола и на глазах у всех гостей, выпрыгнув в окно, усядется в машину к незнакомому мужику и умчится с ним навсегда из города... Вот тут уж, будьте уверены, все окружающие отлично запомнят происшествие и потом много лет станут говорить: «Это было в тот год, когда от Шурки невеста сбежала».

– А еще у Савченко, – начала новую историю Аня, но я не услышала конца рассказа, потому что раздалось оглушительное «бум».

Над огромным динамиком, из которого только что неслась оглушительная музыка, взметнулось яркое пламя и повалил густо-черный дым. В воздухе резко запахло жженой пластмассой.

Толпа гостей, воя на все голоса, бросилась к двери. Присутствующие были изрядно пьяны, поэтому лишь один Сережка сообразил схватить огнетушитель. Но из красного баллона не появилась пена. Очевидно, он был либо неисправен, либо пуст.

– Воды давай! – заорал Юрий и вылил на пылающий агрегат бутылку... водки.

Вмиг огонь вырос и перекинулся на занавески. Юрий, потерявший спяну остатки разума, вновь опрокинул на пламя емкость со спиртом. Откуда-то появилась Клава и потащила мужа на выход.

– Погодь! – ревел супружник. – Дай пламя водой залью.

Красные языки заметались по залу. Я никогда не предполагала, что огонь может в считанные секунды охватить все помещение.

– Уходим, – сказал Сережка и вытолкал меня во двор.

Там орал размахивающие руками пьяные люди. Ни огнетушителей, ни ящиков с песком, ни цистерны с водой на автобазе не нашлось. Со здания столовой огонь перекинулся на двухэтажный домик, стоящий поодаль, и тут с оглушительным ревом примчались пожарные машины.

Всех зевак оттеснили за забор. Я устало села на обочину дороги. Ну и денек! Не часто такой выдается. Свадьба, пожар.

– Ничего не видно, – плюхнулась около меня Аня, – где теперь Юрка с Клавкой жить-то станут? Погорела столовая.

– Ну не в ней же они обитали, – резонно ответила я.

– А наши многие в ней живут, – неожиданно пояснила Аня, – с той стороны подъездик имеется и шесть квартир. Вон, видишь, Фаина плачет? У ней тоже тама однушка была! Правда, Файку свекровь к себе возьмет, а Юрке-то с Клавой куда? Ну и свадьба! Здорово вышло! Таперица весь городок говорить станет!

Я уставилась на покрасневшую от возбуждения Аню. Здорово? По-моему, ужасно. Но самый кошмар ожидал нас впереди, потому что Катюша, Сережа, Лизавета и Юлечка обступили бьющуюся в истерике Клаву и, если я правильно оценила ситуацию, сейчас приглашают погорельцев к нам.

Глава 4

Прошло два жутких дня. Магдалену поселили в комнате у Лизаветы. Юру и Клаву определили в десятиметровке, которая обычно стоит пустой. В свое время Катюша объединила две квартиры в одну², из «лишней» кухни она сделала нечто служащее теперь то ли гладильной, то ли чуланом, то ли гардеробной. Во всяком случае, тут у нас царит безумный беспорядок, но у стены стоит довольно широкий диван, и, когда на голову сваливаются очередные гости, я просто запихиваю валяющиеся шмотки в шкаф, убираю гладильную доску, и «номер» готов. Ната, естественно, жила у Вовки.

Не успев перебраться к нам, Юра запил. Мне, никогда не имевшей дело с алкоголиками, было просто страшно. Он потерял всякий человеческий облик, появлялся на пороге кухни небритый, в старых тренировочных штанах, которые дал тестю Вовка, сплевывал в раковину, брал очередную бутылку водки и удалялся.

Магдалена вела себя тише воды, ниже травы. От нее даже имелась ощутимая польза. Утром, в восемь, девочка выводила гулять собак. Рейчел и Рамика она слегка побаивалась. Стаффордширская терьериха, правда, отнеслась к Магдалене вполне лояльно и послушно разрешила надевать на себя поводок, а вот двортерьер Рамик демонстрировал просто безобразное поведение. Едва Магдалена приближалась к нему, «дворянин» принимался лаять и скакать, как сумасшедший. Гуляла девочка с псами по часу, затем тщательно мыла им лапы, вытирала. Было видно, что Магдалена без ума от Мули и Ады.

Клава чувствовала себя хозяйкой. Ее резкий голос доносился одновременно из всех углов квартиры и раздражал безумно. Больше всего меня удивлял тот факт, что она не делала никаких замечаний мужу-алкоголику и постоянно злилась на безответную Магдалену. Особо безобразная сцена разыгралась сегодня утром.

Не успела девочка выйти на кухню, как мать налетела на нее:

– Пойди умойся.

– Я только что из ванной, – ответила Магдалена.

– Причешись!

– Мне Лиза косу заплела.

Поняв, что придрататься не к чему, Клава на секунду замолкла, но тут же ринулась в атаку:

– Ешь кашу.

– Спасибо, мне не хочется.

– Ешь, говорю!

Магдалена покорно положила в тарелку пару ложек овсянки и с трудом принялась запихивать в себя завтрак.

– Возьми еще, – велела мать.

– Больше не могу.

Клава побагровела.

– Вот оно как! Мать мучается у плиты, готовит с утра, а их высочество нос воротит! Невкусно тебе, да? Икры черной желаешь? А ты на нее заработала, спиногрызка?

Я удивилась. Геркулес с утра я готовила собственноручно, Клава даже не приближалась к плите.

– Очень вкусно, – прошептала Магдалена, – но я наелась уже до отвала.

– Ешь, говорю! – заорала Клава и быстро вылила в тарелку дочери чуть ли не все содержимое кастрюли, стоявшей на плите. – Быстро, с хлебом!

Это было уже слишком. Я хотела встать на защиту ребенка, но меня опередил Кирюшка:

² См. серию книг про Евлампия Романову, там подробно рассказывается об истории семьи Кати и ее знакомстве с Лампой.

- Нельзя впихивать в человека еду.
- Не лезь не в свое дело, – рявкнула Клава.
- Не орите на меня, – взвелся мальчик, – и вообще, вы у нас в гостях.

Клава уперла руки в боки.

- Да? Мы у своего зятя.
- Он живет в соседней квартире, – не утерпел Кирюха.

Клава отвесила Магдалене оплеуху.

- Вот! Из-за тебя, дрянь, нас, несчастных погорельцев, попрекают! Каши не желаешь!

От хлеба нос воротишь!

По лицу девочки поползли слезы.

- Оставьте ее в покое, – возмутилась я, – ребенок должен есть столько, сколько хочет!
- Она обязана слушаться мать, – зашипела Клава. – Я ради блага дочери занимаюсь ее

воспитанием, иначе из нее Чикатило вырастет.

- Из Магдалены никогда не вырастет Чикатило, – влезла Лизавета.
- Я точно знаю, – заорала Клава, – не станет слушаться – будет Чикатило.
- Не будет! – топнула ногой Лиза.

- Будет.
- Не будет!!!

– Будет.

Меня затошнило.

- Пожалуйста, прекратите.
- Жри немедленно, – бесновалась Клава, отвечивая девочке очередную затрещину.

Магдалена принялась быстро заглатывать кашу, но и это не помогло.

– А-а-а, – завопила маменька, – значит, можешь жрать, только сначала хотела меня до паралича довести, сволота!

На низко склоненную над тарелкой голову несчастной девочки посыпался град ударов.

Я беспомощно захлопала глазами. Что делать? Магдалена дочь Клавы, и она может делать с ней все, что захочет. Вызвать милицию? Да никто не поедет разбираться в семейных дрызгах, а службы, защищающей детей от насилия, которое чинят над ними родители, в нашей стране нет, или я не знаю ее телефона.

Пока в моей голове носились глупые мысли, Кирюшка подскочил к плите, схватил кастрюлю с остатками овсянки и... надел Клаве на голову.

Давайте, я не стану описывать, что было потом! Когда в районе пяти вечера вернулась с работы Катя, скандал только-только утих.

Увидав, как подруга втаскивает на кухню торбы, набитые продуктами, я подскочила к ней, схватила мешки и спросила:

- Мы не можем избавиться от гостей?
- Что случилось? – устало спросила Катюня, рушась на стул.

Выслушав мой рассказ, она вздохнула.

- Ужасно, конечно, но очень многие родители срывают злобу на младших членах семьи.

В случае Клавы, думаю, действует несколько факторов. Во-первых, у нее, очевидно, климакс, во-вторых, сильный раздражающий фактор – муж-алкоголик.

- Ну и била бы его!
- Она боится, Юрий может ответить и, наверное, не раз уже отвечал.
- Давай выселим их, всех. Впрочем, Магдалену можно оставить.

Катюша посмотрела на меня.

– Лампуша, потерпи немного. Погорельцам обещают вот-вот дать новые квартиры. Если мы сейчас поругаемся с Клавой, то доставим много неприятностей Вовке, она мать его жены.

Я ушла к себе в комнату и села в кресло. Честно говоря, мне не нравятся все: Клава, Юрий и Ната, ухитрившаяся сбежать налево прямо на собственной свадьбе. Кстати, и Вовка не выглядит безмятежно счастливым. Вчера вечером он заскочил к нам на секундочку и совсем не был похож на довольного молодожена: мрачный, насупленный. На мой вопрос: «Как дела?» – последовал быстрый ответ:

– Прекрасно. Лучше некуда.

Но я-то знаю, что, когда у Володьки все в порядке, он хмыкает и заявляет:

– Дела идут, контора пишет.

Значит, у него какие-то неприятности.

Посидев несколько минут в тяжелых раздумьях, я решила сходить к Костину. Авось Наты нет и мы спокойно поболтаем.

Дверь соседней квартиры, как всегда, оказалась незапертой. Я толкнула ее и очутилась в хорошо знакомой тесной прихожей. Тут же меня постигло горькое разочарование: Ната была на месте. Из глубины квартиры донесся ее чистый, звонкий голосок:

– Главное, не дергайся.

Я хотела было развернуться и тихонечко удалиться, но следующая фраза заставила меня замереть у порога:

– Да нету идиота дома, в свою ментовку побежал, не бойся, никто нас не слышит.

Значит, новобрачная болтает с кем-то по телефону. Стараясь не дышать, я стала подслушивать. Ната, не предполагавшая, что в прихожей могут находиться посторонние, чувствовала себя свободно и разговаривала соответственно:

– Ну мне надо поговорить, срочно. Да, случилось. Отложи работу.

Очевидно, последняя фраза вызвала слишком бурную реакцию у собеседника, потому что молодая жена замолкла, а потом заявила:

– Ладно, успокойся, но правда очень надо. Хорошо, давай встретимся, где всегда, в восемь часов вечера, ненадолго, мне тоже недосуг, надо из себя заботливую женушку корчить, котлеты вертеть, картошку жарить. Покедова.

И она очень противно захихикала. Я мигом выскочила на лестничную клетку и понеслась в свою квартиру. В голове просто кипело. Вот оно как! Ната совершенно не любит Вовку, вышла за него замуж по расчету. У нее имеется любовник, наверное, тот длинноволосый, крашеный в два цвета парень. Ну, Ната, погоди! Сегодня же соберу всех домашних и расскажу сначала о том, что видела из окна туалета, затем о том, что услышала в прихожей. Представляю, в какое негодование придет Вовка! Он выгонит Нату из дома, а вместе с ней уедут и Клава с Юрием.

Внезапно в голову пришла трезвая мысль. А если Костин мне не поверит? Доказательств измены нет! Я заявлю одно, а наглая Ната начнет рыдать и приговаривать:

– Она врет! Ненавидит меня, вот и придумала гадость.

И на чью сторону станет Костин? Нет, надо добыть неопровержимые улики адюльтера и предъявить их, только тогда жизнь в нашем доме потечет по-прежнему.

Приняв это решение, я опрометью бросилась к шкафу. Надо переодеться, попытаться стать неузнаваемой и проследить за Натой. Она сейчас побежит на свидание, а я за ней с фотоаппаратом, нащелкаю снимков и покажу Вовке, пусть потом решает, нравится ли ему ходить с ветвистыми рогами на башке. Если подобное «украшение» Костину по нраву, спорить не стану, в конце концов это его личная жизнь, но предупредить Вовку я обязана.

Ната вышла из подъезда около половины восьмого и, не оглядываясь, почти побежала к метро. Я поджидала ее в темном углу, возле того места, где жильцы оставляют детские коляски. Присела между «экипажами» и осталась незамеченной. На голове у меня была бейсболка с большим козырьком, на носу сидели огромные очки, и я надела Кириюшкину ветровку темно-

синего цвета. Внешне я сильно смахивала на певицу Земфиру, пытающуюся скрыться от вездесущих фанатов.

Ната, не глядя по сторонам, долетела до подземки и вскочила в поезд. Я, следовавшая за ней тенью, встала у дверей, вытащила из сумочки заранее приготовленную газету и стала сквозь проделанную в полосе дырочку следить за негодяйкой.

Мерзавка, одетая в красную ветровку и джинсы, сидела с абсолютно спокойным лицом, более того, она выудила из кармана своей красной куртки тоненькую брошюрку и углубилась в чтение. И как ей только не жарко! Хотя с таким весом она, наверное, постоянно мерзнет. Мне стало интересно: что увлекло противную девицу? Через пару остановок Ната начала зевать и подняла книжонку к лицу, чтобы прикрыть рот. «Сто блюд из мяса, лучшие рецепты русской и европейской кухни». От негодования у меня начался кашель. Эта пакостница усиленно исполняет роль хорошей жены и великолепной хозяйки! Ишь ты, изучает, как готовить вкусные котлеты. Вот хитрюга, понимает, откуда надо подъезжать к Вовке. Костин обожает все мясное.

На «Новокузнецкой» Ната выскочила из вагона, поднялась наверх и встала на площади возле тонара с надписью «хлеб». Я завернула за газетный киоск и сделала вид, будто с интересом изучаю ручки, значки и ластик, выставленные в боковой витрине ларька.

Ната вытащила сигареты, и тут к ней подошел тот самый «двухцветный» парень. Парочка сначала обнялась, потом девушка, очевидно, сказала что-то не слишком приятное. Кавалер оттолкнул ее и замахал руками. Ната сначала стояла спокойно, потом топнула хорошенькой ножкой. Несмотря на теплый, даже жаркий день, вечер был прохладный, и Ната накинула себе на плечи красную куртку, на ногах у нее были легкие летние сапожки из джинсовой ткани, очень модные и скорей всего дорогие. Я невольно стала разглядывать ее обувь. Сама хотела приобрести такие, да остановили два обстоятельства. Вся джинсовая обувь, попадавшаяся мне на глаза, была на шпильке, а я не ношу высокие каблуки, у меня на них просто подламываются ноги. И стоила обувь запредельную цену. А вот Ната ухитрилась достать где-то высокие ботиночки из джинсы почти на плоской подошве. Слегка позавидовав негодяйке, я расчехлила фотоаппарат и принялась за съемку. Вот они обнимаются, потом ругаются, следом целуются. Пленка кончилась, и тут началось самое интересное.

Парень толкнул Нату. Она чуть не упала, ей пришлось схватиться за какую-то женщину, шедшую к метро. На секунду я потеряла парочку из вида, потому что к остановке подкатили сразу автобус, троллейбус и два маршрутных такси. Из открытых дверей вывалилось несметное количество народа и направилось к метро. Внезапно раздался резкий звук, громкий, сухой: словно некий великан сломал палку – «крак». Все было похоже на кино. К метро, высоко вскидывая ноги, как-то неловко, чуть покачиваясь, бежит стройная девушка в красной куртке и джинсовых сапожках. Я невольно вновь задержала глаза на ее обуви, что-то было не так. Последнее, что я увидела, это пистолет в руке у Наты. Вовкина жена влетела в вестибюль. Масса людей в едином порыве шатнулась вправо. В тот же момент над площадью понесся истерический визг и вопль:

- Убили!
- Вот она, ловите!
- Держите!
- Милиция!

Несколько парней в синей форме, только что меланхолично жевавших хот-доги возле палатки, побросали еду и ринулись вперед. На площади повисла неожиданная тишина. Я перевела глаза вниз и чуть не заорала. На асфальте, странно изогнувшись, словно тряпичная кукла, брошенная злой хозяйкой, лежал парень с выкрашенными волосами.

- «Скорую» вызовите, – отмерла неожиданно торговка газетами.

Я с ужасом смотрела на то, как под головой несчастного расплывается темно-бордовая лужа. На площадь вновь вернулись звуки. Подъехала машина с милиционерами, появились

врачи. Потом толпу стали теснить в сторону. Меня, тихо стоявшую около газетного киоска, никто не заметил. Откуда-то появилась тряпка, больше всего похожая на застиранное байковое одеяло, и кто-то накрыл тело с головой.

Вдруг шум снова стих. Из метро выволокли Нату. Девушка упиралась, но милиционеры ловко тащили ее вперед. Сзади шла тетка в форменной шинели, приговаривая:

– Она это, видела я, она, зашвырнула пистолет в урну и тикать!

Люди, разинув рты, смотрели на сине-бледную Нату, которая принялась кричать:

– С ума посходили! Отпустите меня! Офигели, да? У меня муж в милиции работает, сейчас позвоню, он приедет и вам покажет!

Внезапно мне стало нехорошо. Господи, что же теперь будет? Ната убила своего любовника, никаких сомнений насчет того, кто выстрелил в несчастного парнишку, у меня нет. Я хорошо видела, как Ната, в красной куртке и джинсовых сапожках, неслась к метро, пытаясь скрыться, в руке у нее был зажат револьвер.

Я сняла очки, бейсболку и беспомощно следила за происходящим.

– Отвалите, уроды, – пинаясь девушка, – козлы!

Глаза убийцы заматались по толпе, и вдруг она, уставившись на меня, заорала:

– Лампа! Ты! Немедленно сообщи Володе, что меня арестовали.

Присутствующие мигом повернулись в мою сторону. Я хотела шмыгнуть за ларек, но ноги словно приросли к асфальту. Мгновенно около меня возник парень самой неприметной наружности и сухо-официальным голосом поинтересовался:

– Вы знаете эту женщину?

Передо мной явно был представитель правоохранительных органов.

– Да, – ответила я машинально, – она жена Володи Костина, вашего коллеги, майора милиции.

– Пройдемте. – Молодой человек указал в сторону машины с синими номерами.

Я покорно двинулась к ней, но, сделав пару шагов, внезапно обернулась. Менты впикивали Нату в другой автомобиль, она пыталась сопротивляться, но где ей, хрупкой и маленькой, тягаться с плечистыми мужиками. Довольно грубо ткнув задержанную в спину, сержанты засунули ее внутрь салона. Ната упала на сиденье, снаружи на пару секунд осталась нога в джинсовом сапожке на плоской подметке. Внезапно в моей голове зашевелилось нечто смутное, неосознанное. Что-то в этой ужасной ситуации было не так. Но что?

Глава 5

Надеюсь, вы понимаете, какая атмосфера воцарилась у нас дома? Клавдия слегла с сердечным приступом через час после того, как ей сообщили об аресте Наты. Вечером с подозрением на инфаркт ее отвезли в больницу. Юрий продолжал наливать водкой, и для меня осталось загадкой, понял ли он, что случилось с его старшей дочерью. Магдалена тенью скользила по квартире и изо всех сил старалась угодить окружающим. Девочка убрала комнаты, настила картошки, перегладила кучу белья, скопившуюся в шкафу за неделю, и все молчком, не поднимая глаз. Костин к нам не заходил, впрочем, его не было дома. Пару раз я звонила ему в дверь, но никто не спешил открывать, а мобильный Вовки монотонно талдычил: «Абонент отключен или находится вне зоны действия сети».

В среду вечером Вовка неожиданно появился на нашей кухне. Магдалена, стоявшая у плиты, быстро положила половник и мигом выскользнула за дверь. Девочке явно не хотелось встречаться с мужем сестры. Костин сел за стол и положил перед собой руки.

– Хочешь рагу из баранины? – осторожно спросила я. – Вкусно получилось, с картошкой. Давай, положу.

– Не надо, – буркнул Вовка, – дай чаю.

Получив дымящуюся кружку, он насыпал в нее сахару и, методично размешивая, неожиданно спросил:

– Ну-ка, что ты делала возле «Новокузнецкой»?

– Э-э, – замялась я, – ну так, по делам ходила.

– Каким?

– Ерунда.

– Говори.

– Может, не надо? – безнадежно сопротивлялась я.

– Колись, голубка, – хмуро сказал Костин, – все равно я уже знаю правду про Нату и Игоря.

– Это кто такой?

– Так звали ее любовника, – пояснил Володя, – Игорь Грачев, студент-медик.

– Надо же, – покачала я головой, – а я решила, что он работает на автобазе.

– Почему? – изогнул бровь Костин. – Какие основания были у тебя для такого умозаключения?

Я растеряннo замолчала. Язык мой – враг мой. Эта пословица целиком и полностью оправдывается в моем случае. Ну зачем ляпнула сейчас про свои догадки? Вряд ли Вовке будет приятно узнать, что его только вышедшая из загса женушка убежала от свадебного стола, чтобы закрыться в «трансформаторной будке» с этим Игорем.

– Начинай, – приказал Костин, – да не вздумай врать, я всегда знаю, когда ты выкручиваешься!

– Откуда?

– Не важно; слушаю. Я набрала побольше воздуха в легкие и рассказала все. Вовка слегка изменился в лице, услышав о будке, но тем не менее решил уточнить:

– В этой, как ты выражаешься, «трансформаторной будке» были окна?

– Кажется, нет.

– Ты не знаешь точно?

– Откуда? Я стояла в туалете и видела лишь вход в нее.

– Значит, внутрь не заглядывала?

– Нет.

– И не видела, чем занимаются Игорь с Натой?

– Нет, но...

– Так видела?

– Нет, но...

– Значит, просто предполагаешь, что там они занимались любовью? – каменным голосом продолжил допрос Костин.

И тут я обозлилась так, что вспотела. Ну, Вовка, совсем лишился разума! Естественно, они лазили в укромное местечко, чтобы почитать вместе поэму «Руслан и Людмила», бессмертное творение Александра Сергеевича Пушкина.

– Какие у тебя есть основания обвинять Нату? – давил на меня Вовка.

У меня лопнуло терпение.

– Самые простые! Сначала обнимались, потом ушли, затем вернулись, Игорь застегивал крючки у Наты на платье, а еще я подслушала ее телефонный разговор...

– С одной стороны ясно, – процедил майор, – а с другой нет.

– Почему?

– Знаешь, отчего я повел Нату в загс?

Я пожала плечами.

– Кто же ответит на этот вопрос? Наверное, влюбился?

Вовка кивнул:

– Точно, понравилась она мне. Ната категорично заявила – все только лишь после свадьбы, даже целовать себя не позволяла.

Я подавила тяжелый вздох. Опытный ловелас Вовка попался на старую, как мир, уловку. Сколько женщин сумело заманить своих кавалеров в загс, прикинувшись недотрогами? Мужчины – странные существа, заполучив любовницу, мигом остывают и начинают тяготиться возникшими отношениями. Зато, если объект сопротивляется, часто стремятся вступить в брак, чтобы сорвать запретный плод.

– Она была девственницей, – заявил Вовка.

Я покачала головой.

– Ты ошибся.

– Нет, точно говорю, – настаивал Костин.

Можно сохранить физическую нетронутость и быть опытной женщиной, только отчего-то Вовке в голову не приходит эта простая мысль. Со мной в консерватории училась Зульфия Рамазанова, татарка из очень строгой семьи. Так вот Зуля, как звали ее однокурсники, переобжималась со всеми парнями Москвы и Московской области, разрешая им делать с собой все, кроме самого главного. Потом она благополучно вышла замуж за мальчика, которого ей подобрали родители. Меня позвали на свадьбу. Торжество длилось день, ночь и следующий день. Утром к гостям вынесли простыню с пятнами крови. Смущенная Зуля принимала поздравления, опустив вниз бесстыжие глазки. Уж не знаю, как сложилась ее семейная жизнь, но на свадебном пиру не было ни одного родственника, сомневавшегося в чистоте и невинности невесты.

– Точно говорю, – повторил Вовка, – уж поверь мне, есть кое-какие признаки, чисто физические, по которым можно со стопроцентной уверенностью судить о девственности.

Я подавила тяжелый вздох. И этот человек еще работает в милиции! Ну нельзя же быть таким наивным! Знаю я, о каких признаках идет речь! Только сейчас на каждом столбе висят объявления: «Восстанавливаем девственность, дешево». Хорошо, пусть Ната была нетронутой физически, но морально! На мой взгляд, моральная измена хуже!

– Очевидно, мне придется уйти с работы, – заявил Костин.

Я уронила ложку.

– Почему?

Володя пожал плечами:

– Не понимаешь? Кто же оставит на службе сотрудника, чья жена осуждена за убийство?

– Они не имеют права тебя сейчас уволить!

– Да? – хмыкнул Вовка.

– Да, – сердито отозвалась я, – сколько продлится следствие?

Приятель махнул рукой.

– При чем тут это?

– А при том, что никто не может быть назван виновным, кроме как по решению суда, – заволновалась я, – презумпция невиновности распространяется на всех, и на жен милиционеров тоже. Пока Нату не осудили, ты имеешь право спокойно служить!

– Сам уйду, – заявил Вовка, – не стану дожидаться, пока прикажут заявление писать.

Я растерялась.

– И куда пойдешь?

Костин вытащил сигареты.

– Сложный вопрос. Скорей всего в частное агентство.

От удивления у меня на секунду пропал голос. Володька всегда более чем презрительно относился к «Шерлокам Холмсам», он вообще считает, что все эти конторы под лихими названиями «Пинкертон», «Лупа», «Алиби» следует закрыть. Не так давно, сидя на том же самом месте, что и сегодня, Вовка плевался огнем:

– Надо запретить деятельность этих, с позволения сказать, сыщиков, только мешают нам нормально работать.

– Но милиция, к сожалению, не всегда хорошо справляется со своими обязанностями, – робко возразила Катюша, – вот не так давно у одной из наших медсестер украли в метро сумочку, так в отделении заявление брать не хотели.

– Ладно, – пошел на попятный Костин. – Хорошо. Пусть занимаются поисками сбежавших болонок и слежкой за неверными супругами, но это все!

– Не любишь ты, однако, коллег, – засмеялась я.

– Этих – да, – отрезал Володька, – и за коллег их не считаю. Гусь свинье не товарищ. Нету у меня никакого уважения к ним...

На том спор и завершился. И вот сейчас Костин заявляет о своем желании устроиться на работу в какое-нибудь агентство!

Очевидно, на моем лице отразилось изумление, потому что приятель сердито продолжил:

– А куда деваться? Ничего не умею, кроме как негодяев ловить! В охрану податься? Стоять у дверей супермаркета? Или кланяться бабам у входа в ювелирную лавку?

Я молчала, до меня постепенно дошел ужас происходящего. Вовка и впрямь ничего не умеет делать. Костин великолепный профессионал в своей области, у него незапятнанная репутация и честное имя. Кроме того, он любит свою работу и потеря ее для него трагедия. Это женщина, если ее выгонят со службы, поплачет, поплачет и утешится. Начнет самозабвенно заниматься домашним хозяйством, воспитывать детей или внуков, станет разводить цветы, запишется в кружок вязания или макраме. Для представительниц слабого пола работа все-таки стоит не на первом месте, главное – семья. А вот у мужчин дело обстоит иначе. Увольнение со службы они воспринимают как крах жизни. Кроме того, имеется еще такой немаловажный фактор, как зарплата. Ну на что Вовка будет жить? Я точно знаю: никаких сбережений у него нет. Впрочем, мы не дадим ему умереть с голоду, но Костин не из тех особей, которые с удовольствием сядут бабам на шею.

– Сегодня уезжаю, – неожиданно брякнул Вовка, – на двадцать четыре дня.

– Куда?!

– На Селигер, в дом отдыха, отпуск взял, – хмуро сообщил Костин.

Я схватила его за руку.

– Послушай, не глупи, все уладится.

– Что? – грустно спросил майор. – Дело ясное, никаких сомнений у следователя нет. Этот Игорь и Ната целый год были вместе. Может, они бы и поженились, только ее родители оказались против, не понравился им предполагаемый зять.

Я молча слушала Володю.

– Потом Ната его бросила, – продолжал он, – и у нас завязался роман. Игорь ревновал, звонил бывшей невесте, пугал ее, требовал вернуться к нему, а затем случилось то, что случилось!

– Но тогда не она должна была его убить, а он ее! – логично возразила я.

Вовка нахмурился, но промолчал.

– А что Ната говорит? – полюбопытствовала я.

– Ушла в глухую несознанку, – ответил майор, – не отрицает, что была знакома с Игорем, подтверждает, что пришла к нему на свидание, но лишь с одной целью: попросить его оставить ее в покое, навсегда.

– Зачем тогда стреляла?

– Она говорит, что толкнула парня и ушла, кипя от злости, в метро. Спустилась на перрон и села на скамейку. Хотела привести нервы в порядок, а тут налетели менты, подбежала дежурная. Ната клянется, что не стреляла и в глаза не видела револьвера!

– Очень глупо! Я собственными глазами наблюдала, как она несется к зданию метро, сжимая огнестрельное оружие. Кстати, на площади было полно свидетелей.

– И тем не менее она плачет и твердит: «Не я!» – мрачно завершил рассказ Костин.

Вечером мы вместе с Кирюшей смотрели видик. Мальчик решил развеселить меня и, сбегав в прокат, приволок глупейшую комедию, герои которой швыряли друг другу в лицо тарелки с едой и попадали ногами в унитаз. Пару дней назад я бы уже согнулась от хохота, но сегодня лишь натянуто улыбалась, чтобы не обидеть Кирюшку. В голове крутились мысли, не имеющие никакого отношения к действию, разворачивающемуся на экране. Бедный Вовка! Надо же так вляпаться! И что делать с Юрием, который никак не выходит из запоя? И как поступить с Магдаленой, если Клава задержится в больнице надолго?

– Ну и дура! – воскликнул Кирюшка.

– Кто? – машинально спросила я.

– Эта Софи, – ткнул мальчик пальцем в экран, – за ней гонятся, а она на каблучках шкандыбаёт! Ежу понятно, чтобы убежать, нужно надеть кроссовки, ну, на худой конец, ботинки без каблуков. Разве на таких ходулях скроешься?

Я включила зрение и увидела на экране маленькую, хрупкую фигурку, которая, покачиваясь, бежала по улице. Внезапно перед глазами возникла совсем иная картина. Вот Ната, рассердившись на Игоря, топает ножкой, обутой в джинсовый сапог. Подошва у него почти плоская, помнится, я еще позавидовала: ну где Вовкина жена ухитрилась раздобыть такие удобные и модные сапожки?

Так, что было потом? Толпа, сошедшая с автобуса, двинулась к метро и закрыла мне на пару минут обзор. Затем раздался выстрел. Я не видела, как Ната стреляет в Игоря, просто услышала резкий звук «крак». А дальше? Народ шарахнулся, и перед взглядом появилась бегущая Ната, она слегка покачивалась... Мне еще тогда показалось что-то странным, и теперь я понимаю что. Я в тот момент вновь глянула на ее обувь. Так вот, Ната бежала неловко, покачиваясь, оттого что на ногах у нее были джинсовые сапожки на высокой, десятисантиметровой, шпильке.

Я вскочила с дивана.

– Ты куда? – удивился Кирюшка. – За чаем? Тогда остановлю пленку.

Но мне было не до дурацкой комедии. Отлично помню, что Ната топала ногой, обутой в высокий ботиночек без каблука. Каким образом у бегущей к метро женщины оказались сапожки на шпильке? Напрашивался только один ответ: в сторону подземки торопилась не

Ната. А кто? Вновь перед глазами возникла фигурка в красной куртке, с дурацки причесанной головой: кудряшки, на которых висит заколка в виде бабочки.

В полном ажиотаже я влетела на кухню и, сама не знаю почему, дернула ящик, в котором у нас хранятся столовые приборы. Вилки, ложки, ножи веером разлетелись по чисто вымытому линолеуму. Кирюшка вбежал в кухню.

– Лампудель! Ты упала?

Я присела и стала молча собирать рассыпанное. Руки тряслись от напряжения. Девушка в красной куртке, спешившая к зданию «Новокузнецкой», убийца, сжимавшая пистолет, была не Ната. Просто они очень похожи. Внезапно вилки выпали из моих рук и снова оказались на полу. Кто-то решил подставить Вовкину жену и специально обстригал дело таким образом, что...

– Это тебя! – Кирюша сунул мне в руку телефонную трубку. – Какая-то дура!

– Неприлично так говорить о взрослых. – Я машинально проявила педагогическое занудство и тут же рассердилась на себя.

Получается, что детей можно обзывать дураками.

– Идиотка! – не успокаивался Кирюша. – Прикинь, она спрашивает, когда похороны Лизки.

На секунду я оторопела, потом спросила:

– Кого?

– Лизаветы.

– Какой?

– Нашей!!!

Я схватила трубку и моментально услышала рыдающий голос Алены Мамонтовой.

– Господи, горе какое, горе какое! Лампа, вы держитесь. Хочешь приеду?

– Зачем? – я решила внести ясность.

– Ну помочь, поминки, посуда, блинов напечь, сковородки помыть, – зачастила Алена, – когда хороним?

– Кого?

– Лизоньку.

– Какую?

Алена на секунду замолчала, потом голосом, полным сочувствия, продолжила:

– Понимаю, тебе плохо, но...

– Если имеешь в виду нашу Лизавету, – перебила я глупую Мамонтову, – то девочка живехонька-здоровехонька, позавчера уехала на дачу к своей подружке на неделю, час тому назад я с ней разговаривала по телефону.

– Да? – растерянно протянула Алена. – Ну и ну...

– С чего тебе в голову пришло, что Лизавета скончалась? – обозлилась я.

– Э... а... у, – стала издавать нечленораздельные звуки Алена.

Я швырнула трубку на диван и с чувством произнесла:

– Дура! Недаром от нее два мужа сбежали.

– Идиотка! – подхватил Кирюшка. – Вот уж придумала так придумала.

– Балда! – я никак не могла прийти в себя.

– Балбеска стоеросовая, – охотно согласился Кирюшка.

Во мне внезапно вновь проснулся педагог.

– Нехорошо так говорить, некрасиво!

Кирик склонил голову набок.

– Ну согласись, она кретинка!

Пару секунд во мне боролись Макаренко и возмущенный обыватель. Наконец второй одержал верх.

– Кретинка! Жуткая! Тупее не бывает!

Кирюшка захихикал.

– Ты, Лампудель, не говори так о взрослых, это неприлично! Странно, что родители тебе в свое время не объяснили, как следует себя вести!

Я хотела треснуть его газетой по лбу, но тут вновь ожил телефон.

– Небось опять она, – покачал головой Кирюшка. – Ну, сейчас все скажу!

Я выхватила у мальчика из рук трубку.

– Не надо, лучше сама ей врежу.

Но из трубки послышался тихий голосок Тани Водопьяновой.

– Добрый вечер, Лампуша.

– Здравствуй.

– И как вы?

– Ничего, спасибо, а ты?

– Да у нас все в порядке, – напряженно ответила Танечка и замолчала.

Послушав пару секунд тишину, я вздохнула.

– Ты чего звонишь?

– Когда похороны? – выдавила из себя Водопьянова.

Я почувствовала легкое головокружение, но все же решила уточнить:

– Чьи?

– Лизины.

Так, весь мир решил сойти с ума! Спокойной, рассудительной Танечке Водопьяновой пришла в голову точь-в-точь такая же идиотская шутка, как кретинке Мамонтовой.

– Лиза, – четко выговаривая слова, сообщила я, – чувствует себя просто великолепно и на тот свет собирается лет через девяносто, а то и позже. У нее стопроцентное здоровье и чудесное расположение духа.

– Ага, – забубнила Таня, – ага, ага... Значит, она не умерла? Ошибочка вышла?

Я снова швырнула трубку в кресло, но промахнулась, и она шлепнулась на ковер.

– Сейчас кто? – поинтересовался Кирюшка.

– Теперь Водопьянова спрашивает про похороны Лизаветы, – растерянно ответила я.

– Ошизеть!

– Полностью с тобой согласна!

Телефон вновь ожил. На этот раз на том конце провода оказался Коля Тягунов. Не сказав «здрассти», он мигом заявил:

– Деньги нужны? – Ты встречал человека, который на подобный вопрос ответит «нет»? – не утерпела я.

– Только скажи, сколько?

Удивленная, я ответила:

– Честно говоря, мы собираемся покупать новый телевизор в гостиную. А ты в долг предлагаешь? Или решил по какой-то причине нам подарок сделать?

Николай помолчал и ответил:

– Конечно, хорошо, что ты не потеряла присутствие духа, но в этой ситуации шутка звучит по-идиотски. Похороны – дорогое дело, вот, решил помочь.

Я села на диван и гаркнула:

– У нас все живы!

– И Лиза?

– Она в первую очередь!

– Однако, – начал что-то быстро говорить Коля, – я получил только...

Но я уже отсоединилась.

– Чего это с ними? – растерянно повернулся ко мне Кирюша.

– Понятия не имею. Случай поголовного безумия. «Дзынь-дзынь», – зазвякала трубка. Я нажала на зеленую кнопку и, не дожидаясь никаких вопросов, рявкнула:

– Лиза жива и здорова. Похороны отменяются, поминки тоже, надеюсь, я не очень вас разочаровала.

– Ну ты, Лампа, даешь, – ответила Лизавета, – естественно, я пока не собираюсь в могилу! По какой причине делаешь такое программное заявление?

– Да люди ума лишились, – воскликнула я, – сначала Мамонтова позвонила, потом Водопьянова, следом Колька Тягунов. Прикинь, они все интересовались, когда твои похороны!

– Лампа! – заорала Лиза. – Я так и знала! Чувствовала, что тебе ничего нельзя доверить, и вот результат! Какая же ты, однако!

– Что я сделала не так?

– В том-то и дело, что ничего! – кипела девочка.

– Тогда почему ты злишься?

– С ума сойти! – визжала Лизавета. – Ты меня убила! Кошмар!

У меня начала болеть голова.

– Для убитой девочки ты слишком громко кричишь! Прошу тебя сбавить тон и нормально объяснить, в чем дело, – каменным голосом произнесла я.

– Она еще и обижается, – прошипела Лизавета. – Ты проверяла программу, говорила ей о том, что я жива? А?

Мигом вспомнив, о чем речь, я рванулась в комнату к Лизе, уронив по дороге отчаянно пищавшую трубку.

Два года назад Сережка подарил на день рождения Лизавете компьютер. Первое время девочка его боялась и лишь играла в «бродилки» и «стрелялки», но потом постепенно начала изучать машину, и теперь она «продвинутый юзер»³, а у нас нет проблем, что дарить ей на праздники. Сейчас комната Лизы забита всякими приборами: принтер, сканер, модем... Какие-то еще ящички, коробочки, шарики, моргающие зелеными и красными огоньками. Девочка лазает по всему Интернету и скачивает оттуда рефераты для школы. Не могу сказать, что мне это нравится. Один раз, увидав, как Лиза распечатывает на принтере готовый доклад на тему «Эволюция человека», я не утерпела и заявила:

– Лучше самой написать.

– Это почему? – захихикала лентяйка. – Прикинь, сколько времени потеряю, листая справочники, а в результате получится то же самое, – и она щелкнула пальцем по бумаге, мирно выползающей из отверстия.

– Зато выучишь предмет, а так останешься дурочкой.

– Не занудничай, Лампа, тебе не идет, – мигом отозвалась девочка, – во-первых, дурацкая биология, вместе с зоологией и ботаникой мне никогда не понадобятся. Ну-ка, скажи, кто жил раньше, неандерталец или австралопитек?

Я растерялась, но потом честно призналась:

– Не помню. Впрочем, когда-то знала, а потом забыла.

– Вот видишь, – кивнула Лиза, – и что? Очень страдаешь от этого?

– Нет.

– Едем дальше, – усмехнулась девочка, – второй момент. Помнишь, ты рассказывала, что вас, студентов консерватории, заставляли учить научный коммунизм?

Я кивнула.

– Было дело, правда, тогда, в советские времена, его проходили везде, абсолютно бесполезный предмет. Сколько часов на него потратила! До сих пор жаль!

³ Продвинутый юзер – активный пользователь.

– А теперь представь, что ты имела возможность ткнуть пальцем в клавишу и получить готовый текст реферата. И что? Полезла бы в учебник? – хитро прищурилась Лизавета.

Поколебавшись секунду, я с тяжелым вздохом ответила:

– Конечно, нет.

– Еще замечания станешь делать?

Пришлось спешно ретироваться.

Лиза обожает свой комп и постоянно впахивает туда все новые программы. Позавчера она подтащила меня к экрану и сообщила:

– Лампудель, я уезжаю на дачу к Машке Ломтевой.

– Очень хорошо, – кивнула я, – сейчас Кирюшка сдаст экзамены, мы тоже переберемся в Алябьево, и ты позовешь Машеньку к нам.

– Слушай внимательно, – перебила меня девочка, – каждый день, пока меня нет, нужно включать комп и кликать сюда, в красное окошко. Только обязательно, а то беда случится.

– Почему? – удивилась я.

Лиза пустилась в объяснения.

– Я поставила еще одну программу. В случае моей смерти она разошлет всем, кто включен в контактный лист, сообщение: «Лиза скончалась», а потом методично уничтожит всю информацию в компе.

– Тебе еще рано думать о смерти!

– Ты поняла? – рассердилась Лиза. – Сообразила, где щелкать надо?

– Но зачем?

– Этой программе надо каждое утро сообщать, что ты жива! Если в течение дня она не получает подтверждение, то начинает считать пользователя умершим!

– Бред!

– Ни о чем попросить нельзя! – обозлилась Лиза. – Кругом безответственные люди, не желающие помочь!

Пришлось согласиться. Я положила около своей кровати листок с надписью: «Сказать компьютеру, что Лиза не умерла» и, проснувшись, мигом бежала в комнату к девочке. Но сегодня бумажка с тумбочки исчезла, и я благополучно забыла о поручении.

Не чуя под собой ног, я влетела в Лизину спальню и ткнула пальцем в большую кнопку на системном блоке. Послышались звуки бессмертного произведения Моцарта «Реквием». Экран замерцал, появилось изображение могилы с крестом, потом мрачно-торжественный голос из динамика объявил: «Лиза умерла. Информация уничтожается».

– Нет, – завопила я, щелкая по красному окошку, – остановись сейчас же, идиотская консервная банка!

Но дерзкая машина, продолжая играть пронзительно-щемящую мелодию, не собиралась мне подчиняться.

– Да уж, – воскликнул вошедший следом Кирюшка, – Лизка тебя убьет. У нее в контактном листе столько народа! Прикинь, они все получили похоронное извещение и сейчас станут нам звонить.

Глава 6

Утром я приняла решение. Надо искать того, кто поставил спектакль. Честно говоря, судьба Наты меня не слишком интересовала и скорей всего ради девушки я не стала бы предпринимать никаких шагов. Нет, конечно, я постаралась бы добраться до следователя и сообщить ему про сапожки на шпильке. Только скорей всего тот ответит:

– Вы, наверное, перепутали. У нас много свидетелей, видевших девушку.

И бесполезно будет объяснять парню, что женщина никогда не ошибется, вспоминая, как выглядела чужая обувь. Тем более если сама хочет такую же.

Сделав заявление следователю, я бы посчитала свой гражданский долг выполненным и занялась своими проблемами. Но в данном случае я начну сама искать настоящего убийцу и сделаю это только ради Вовки. Если с Наты снимут обвинение, Костин сможет остаться в милиции.

Взяв листок белой бумаги, я принялась рисовать на нем кружочки и домики. Где искать киллера, куда пойти? Впрочем, ясно, что начинать надо с этого Игоря Грачева. Почему, спросите вы. Да очень просто. Женщина, задумавшая преступление, знала о времени и месте встречи любовников. Откуда? Скорей всего она подслушала телефонный разговор Игоря. Ната-то была дома одна. У Вовки в квартире просто негде спрятаться, и вряд ли Ната стала бы вести столь откровенную беседу в присутствии третьего лица. Можно, конечно, предположить, что некто потихоньку вошел в прихожую, Вовка всегда забывает закрыть дверь в свою квартиру, но в крохотном пространстве возле ботиночницы стояла я, больше там никого не было. Следовательно, убийца-свидетель был со стороны Игоря. Собственно говоря, дело выведенного яйца не стоит. Надо разузнать координаты этого Игоря, порасспрашивать его знакомых, и убийца в моих руках.

Схватив запасные ключи от Вовкиной квартиры, я побежала к приятелю.

Все-таки мужчины очень неаккуратны. Вы только полюбуйтесь, уехал на двадцать четыре дня в дом отдыха и оставил в квартире все так, словно сегодня вернется. Во-первых, не разморозил холодильник, оставил в нем продукты, во-вторых, не вытряхнул пепельницу, в-третьих, не помыл посуду, в-четвертых, не застелил постель...

Ругаясь сквозь зубы на неряху, я навела порядок. Освободила в холодильнике полки, отнесла к нам на кухню пакет с молоком, пачку масла и упаковку сосисок. Потом отскоблила сковородку и набросила на диван плед. Очень не люблю беспорядок, вид раскиданных повсюду вещей раздражает меня ужасно, до зубной боли. Ну как можно швырнуть в кресло пиджак, брюки, рубашку, а сверху кинуть стопку прочитанных газет?

Я вытащила из шкафа вешалку и уже собиралась повесить Вовкин костюм, как увидела на столе элегантную записную книжку в кожаном переплете. Вещица принадлежала Нате, потому что Костин пользуется старым блокнотом, из которого вываливаются листочки.

Забыв про костюм, я схватила книжечку и стала просматривать странички. Игорь Грачев нашелся сразу. На букву «Г» он был записан один.

Плохо соображая, что делаю, я быстро набрала номер.

– Да, – послышался бойкий голосок.

– Простите, это квартира Игоря Грачева?

– Точно, – подтвердила женщина, – была его, теперь моя.

Ну что ж, люди иногда меняют жилплощадь, значит, незадолго до смерти Игорь переехал.

– Простите, пожалуйста, меня зовут Евлампия, можно просто Лампа, мы с Игорем очень давно не разговаривали, не подскажете его новый телефон?

Собеседница то ли хихикнула, то ли кашлянула и ответила:

– А нет телефона!

– Да ну? В новый спальный район перебрался?

– Нет, на кладбище. Игорь умер.

Я старательно изобразила ужас, смешанный с недоумением.

– Не может быть! Он же совсем молодой.

– Все под богом ходим, – заявила женщина.

– Все-таки подскажите его новый адрес.

– А он никуда не съезжал, здесь жил.

– Вы ему кто? – не выдержала я.

– Жена.

– Кто?! – подскочила я.

– Жена, – по-прежнему без следов скорби повторила она, – вернее, теперь, наверное, следует говорить «вдова».

В моей голове мигом всплыло название оперетты «Веселая вдова». Не похоже, чтобы эта вдова убивалась по безвременно ушедшему мужу.

– Можно мне к вам подъехать?

– Пожалуйста, весь день собираюсь тут убираться, столько грязи, – зачастила она, – ну просто свинюшник, мужики дико неаккуратные, чистые свиньи.

Я невольно покосилась на кресло, в котором валялся измятый Вовкин костюм.

– Адрес подскажите, я забыла.

– Бульвар Карпенко, двенадцать, – бодро сообщила бабенка.

Следующее удивление я испытала, когда она открыла мне дверь. На пороге стояла полная блондинка с простовато-хитрым лицом. На вид тетке было лет тридцать пять. Впрочем, может, это теща Игоря?

– Здравствуйте, – вежливо улыбнулась я, – мне бы поговорить со вдовой Грачева, позвоните ей, пожалуйста!

– Это я, – без всяких признаков скорби в голосе заявила баба, – Зосей меня звать, да проходите, не стесняйтесь. Уж извините, я только уборку начала.

Я прошла в маленькую, действительно очень грязную кухонку, села на табуретку и решила приступить к допросу.

– Простите, я не знала, что Игорь был женат, примите мои соболезнования. Уж извините, если скажу бестактность, но у Грачева имелась любимая девушка, Ната... Вам, наверное, неприятно такое слышать.

Зося засмеялась.

– Мне однофигиственно, с кем он жил.

– Да? – совсем растерялась я. – А вы давно женаты?

– Третий год, – совершенно спокойно заявила Зося.

– Вам, простите, сколько лет?

– Тридцать восемь, – сообщила она и, нагло засмеявшись, добавила: – Любовь у нас была жуткая, а что касается возраста, так он не помеха счастью. Кстати, вы тоже не девочка, значит, Игореша был этот, как его... ну... забыла, слово такое... геронтофоб!

– Геронтофил, – машинально поправила я и мгновенно рассердилась: – При чем тут это?

– Небось спал с вами, – подмигнула мне Зося, – да не стесняйтесь, сама люблю молодых, чего со старыми пердунами делать, только кефир пить!

На мгновение я онемела, но потом пришла в себя и с негодованием заявила:

– Вы с ума сошли!

– Чего тогда заявила? – отбрила меня Зося, переходя на «ты».

– Я ищу убийцу Игоря!

Она стала серьезной.

– Из милиции? Покажи документы.

Я вытащила из сумочки паспорт и протянула ей.

– Ну и что? – удивилась та. – У ментов удостоверение есть.

Понимая, что Зося, как жена, должна в деталях знать об окружении мужа, я вздохнула.

– Послушайте, пожалуйста. У меня есть лучший друг, Володя Костин...

Через десять минут она уточнила:

– Значит, ты просто ищешь ту бабу с пистолетом?

– Да.

– Это не я.

– На тебя я и не подумала. Девушка, бежавшая к метро, была худенькой, а... ты...

– ...весишь под сто кило, – засмеялась Зося.

– Извини.

– Я не обижаюсь, – продолжала веселиться та, – чем больше хорошего человека, тем лучше. Только помочь тебе не смогу.

– Почему?

– Не знаю никого.

– Игорь никогда не приводил домой друзей?

– Понятия не имею, я не жила тут.

Ощущая себя полной идиоткой, я поинтересовалась:

– Как же так? Муж здесь, а ты где?

Зося вытащила пачку «Парламента».

– Ты никак не влюбишься. Дело-то житейское, фиктивный брак был. Никто обо мне не знал, а теперь получается, что как вдова, прописанная на одной жилплощади с покойным мужем, я получаю в наследство эту квартиренку. На такое я и не рассчитывала. Ладно, – криво улыбнулась Зося, – дело было так.

Зося приехала в Москву из Западной Украины, а точнее, из Львова. Очень красивое место: старинные здания, узкие улочки... Но работы нет, цены на продукты такие, что при одном взгляде на витрины пропадает аппетит. Да еще Зося, несмотря на свое католическое имя, является православной, в ее семье говорят только на русском языке, «ридну мову» не освоили, а жители западных областей Украины после обретения независимости демонстративно отворачиваются, заслышав «язык москалей». Да еще в паспорте, в графе «национальность», у Зоси записано: «русская».

Откушав полной ложкой того, что на языке газет называется «притеснением по национальному признаку», Зосенька решила наплевать на незалежную Украину и подалась в Москву. В отличие от очень многих украинок, которые вынуждены зарабатывать себе на пропитание, торгуя овощами или выходя на панель, Зося твердо знала: она в столице России не пропадет, а все потому, что имеет в руках отличную профессию парикмахера. Причем Зося была мастером от бога и могла из трех волосинок соорудить на голове шикарную прическу. Так что на перрон Киевского вокзала она сошла с самыми радужными надеждами. Во Львове остались мама и десятилетний сын, которых Зося обещала, устроившись, тоже перевезти в Москву. А еще она ухитрилась пронести через таможеню все свои сбережения, около пяти тысяч долларов. Соседка по лестничной клетке, разбитная Галя, ездившая в Россию на заработки, уверяла, что за эти деньги можно в Москве купить квартиру где-нибудь на окраине.

Месяца Зосе хватило, чтобы понять: жить в Москве намного хуже, чем во Львове. Хозяева салонов, увидав, как она ловко управляет ножницами и расческой, мигом соглашались оформить Зосю на работу, но как только из ее сумочки появлялся на свет украинский паспорт, приветливые улыбки стекали с лиц и следовал категоричный отказ. Наличие регистрации не имело никакого значения. Москвичи предпочитали иметь дело только со своими. Квартиру за пять тысяч долларов было не купить, пришлось снимать комнату. Хорошо хоть хозяйка

попалась замечательная, веселая девушка лет двадцати по имени Маша. Однажды, когда Зося, придя домой, разрыдалась от отчаянья, Маша погладила ее по голове и сказала:

– Знаешь, кажется, я могу тебе помочь.

– Каким образом? – всхлипнула Зося.

– Тебе надо выйти замуж за москвича, получить прописку в столице, и все будет отлично.

Так многие делают.

– И где найти такого? – шмыгнула носом Зося.

Маша улыбнулась.

– У меня Надя, подружка, работает в брачном агентстве, сходи к ней, авось подберет кандидатуру.

Зося утерла слезы и отправилась по указанному адресу. Надя очень спокойно выслушала ее, взяла у нее пятьсот рублей за подбор вариантов и через неделю дала три кандидатуры.

Зося встретилась с каждым претендентом и снова испытала горькое разочарование: один был инвалид без ноги, другой вдовец с тремя маленькими детьми, третий жил с парализованной, прикованной к постели мамой... Всем им была нужна бесплатная домработница, нянька, сиделка. Получив вожделенную столичную прописку, Зося одновременно со штампом в паспорте обретала такое количество проблем, что сразу становилось понятно: лучше не ввязываться в историю.

– А ты как хотела? – развела руками Надя. – Нормальный мужик сюда не пойдет, сам свои проблемы решит. Ладно, не плачь, еще подумаю.

Спустя десять дней Надя позвонила и заявила:

– Есть вариант.

Не чуя ног от счастья, Зося прилетела в агентство и услышала:

– Имеешь четыре тысячи долларов?

Украинка насторожилась. Это было все, что лежало в тайнике под матрасом.

– Ну, – осторожно ответила она, – могу домой позвонить, мама пришлет, только зачем?

– Слушай, – велела Надя, – есть у меня знакомый, Игорь Грачев, машину хочет, только денег нет. Он паренек молодой, холостой, здоровый, бездетный. Оформит с тобой брак и пропишет к себе. Ты ему четыре тысячи баксов за это дашь и расписку, что жить вместе с ним не станешь. Квартиру тебе снимать придется, как и раньше.

– Не обманет? – замирающим от счастья голосом поинтересовалась Зося. – А то возьмет бабки, и ау.

– Он честный человек, – успокоила ее Надя, – не бойся.

Через пару месяцев Зося стала полноправной москвичкой, мигом устроилась на работу, обросла кучей клиентов и за год скопила денег на комнату в коммуналке, Игорь ее не беспокоил, как разбежались, выйдя из загса, так и не встречались больше. Парень, правда, предупредил:

– Брак наш не навсегда. Захочу жениться – разведемся.

– Без проблем, – пообещала Зося, – ты мне не нужен, звони, когда надумаешь свадьбу играть.

Но Игорь словно в воду канул, а Зося сама его не искала. Она о замужестве не думала, штамп, стоящий в ее паспорте, принес счастье, и она суеверно боялась стать «разведенкой», хотя уже давно приобрела комнату в коммуналке и прописала туда маму с сыном. Следовало разыскать Игоря и выписаться из его квартиры, но сначала было недосуг, а потом Зося решила оставить все как есть. Надумает парень жениться – позвонит.

– Любит меня господь, – даже не пыталась сейчас скрыть радость Зося. – Игоря убили, а квартира-то! Теперь продам ее и свою комнату, денежки сложу, чуть-чуть добавлю, получится «двушка», вздохнем свободно...

И что сказать в этом случае? От полной безнадежности я спросила:

– Случайно телефон его родителей не знаешь?

– Да нет, – сказала Зося, – зачем он тебе? Не ходи к матери, не знает она про парня ничего. Сама посуди, он на мне женился, взял доллары и купил себе машину. А мать даже не заволновалась, откуда у сына деньги, да и жил он в этой квартире один давно. Родители его за городом обитают, в каком-то поселке... дай бог памяти, забыла название. Они богатые люди, а денег сыночку на авто пожалели... Врубаетесь в ситуацию?

Я кивнула. В словах Зоси есть определенный резон.

– Ты бы лучше с девкой поговорила, которая от него ребенка родила, – выпалила Зося.

Я подскочила.

– С кем?

– Ну с любовницей, Люда ее зовут.

– Это кто такая?

Зося развела руками:

– А за час до твоего прихода телефон зазвонил...

Счастливая обладательница квартиры сняла трубку и услышала тихий, нежный голосок:

– Игоря позовите.

На всякий случай Зося сначала дипломатично ответила:

– Не могу.

Ну не говорить же сразу: его убили. Вот сейчас девушка поинтересуется: «Почему?» – и тогда Зося объяснит. Но из трубки донеслось:

– Пожалуйста, передайте ему, что мы с Антоном уезжаем, пусть оформит у нотариуса согласие на выезд.

– Куда? – машинально спросила Зося.

– Он знает.

– Кому?

– Вы только скажите про Антона, Игорек сам сообразит.

– Игорь умер, – Зося решила внести ясность.

– Совсем? – глупо спросила девушка.

– В общем, да, – подтвердила Зося, – убили его.

Из трубки раздался вскрик.

– Как же это, что же это, мне ведь обещали, – твердила девушка, – вот ерунда вышла...

Через пять минут Зосе стало известно, что звонившую зовут Людочка и что у нее есть годовалый сынишка от Игоря.

– Она мне свой телефон оставила, – полезла в карман фартука Зося, – просила сообщить день похорон, наверное, хочет вместе с Антоном пойти. Прикинь, каково этой змее, то ли матери, то ли мачехе, придется? Справа я, жена, слева эта Люда с Антоном... Ну, цирк прямо.

– Ты собираешься идти на кладбище?

– А как же! – воскликнула Зося. – Мне Надька все разобъяснила. Следует обязательно заявиться в черном платье и плакать. Пусть народ видит: жена по мужу убивается. Конечно, у родственников шансов нет квартиру отобрать, но зачем им лишний повод для разговоров в суде давать. А так все тип-топ получится.

– Давай телефон этой Люды, а заодно адресок агентства, в котором работает Надя, – велела я.

Глава 7

Молодая мать безукоризненно владела собой. Услышав, что с ней хочет поговорить следователь, занимающийся поисками убийцы Игоря Грачева, она спокойно ответила:

- Не могу к вам прийти, ребенок заболел.
- Тогда я сама приеду, хорошо?
- Пожалуйста, только у нас сильный насморк.
- Ничего, я не боюсь инфекции.
- Хорошо, – сдалась Люда и продиктовала адрес.

Я села в машину, вытащила из «бардачка» атлас и принялась прокладывать путь. Права я получила самым законным образом, сначала занималась в автошколе, потом ездила с инструктором, но, очевидно, у меня начисто отсутствует ген, ответственный за талант шофера. Если бы пешеходы знали, как я вожу машину, они бы никогда не нарушали правила и всегда переходили дорогу только на зеленый свет, предварительно повертев головой в разные стороны. Лично я, получив права, стала очень внимательно переходить дорогу. Меня все время преследует мысль: вдруг вон в той хорошенькой иномарке сидит какая-нибудь Лампа, путающая педали? Ну жмет не туда, куда надо, с перепугу...

Еще я совершенно не понимаю, где у машины зад, а где перед. Вернее, капот от багажника великолепно отличаю. В последний кладу сумки с продуктами, а первый никогда не открываю, понимая бесполезность этого действия. Ну увижу кучу всяких разных железяк, и что? Я не воспринимаю габариты машины, не чувствую их совершенно. Иногда кажется: в эту щель не проеду никогда, и вдруг с легкостью паркуюсь. А в иной раз вижу огромное пространство и... раздается противный звук скрежещущего металла.

Есть еще одно обстоятельство, которое доставляет мне неприятные ощущения, – езда по неизвестному маршруту. Дорогу от родного дома до рынка с заездом в «Рамстор» я освоила филигранно и даже ношусь с ужасающей скоростью пятьдесят километров в час, но как только нужно проехать в новое место, на меня нападает страх. Господи, где там перестраиваться! Вдруг, не дай бог, попадется светофор на горе? Я обязательно заглохну! Поэтому я приобрела атлас и предварительно прокладываю путь по карте, тщательно запоминая все повороты налево. Человека, никогда не сидевшего за рулем, очевидно, удивила моя последняя фраза. Поясняю, я всегда езжу только в крайнем правом ряду, поэтому, сами понимаете, с поворотом направо проблем нет. Но чтобы свернуть влево, надо перестроиться, влезть в скоростной ряд, промчаться в нем какое-то время. А наши автолюбители очень нервные. Стоит только мне устроиться слева, смахнуть пот со лба и перевести дух, как сзади начинают светить фарами, гудеть, в общем, намекать, что я должна либо жать сильнее на газ, либо уступить дорогу. Честно говоря, мне намного удобней и спокойней в метро, там, прислонившись к двери и читая детектив, я отдыхаю.

Отчего я езжу на машине? Сама не знаю. Сережка говорит, что на десять цирковых медведей, освоивших мотоцикл, приходится один, который так и не научился рулить, несмотря на все полученные колотушки. Наверное, это мой вариант. Впрочем, Катюша и Юлечка, отлично управляющиеся с автомобилем, подбадривают меня, говоря:

- Ничего, Лампудель, скоро привыкнешь, ужас пройдет, а кайф появится.

Я очень надеюсь на то, что они правы, но пока нахожусь на стадии ужаса. Включив все внимание и собрав шоферские навыки в кулак, я покатила вперед, свернула направо, вырулила на проспект, замерла у светофора и перевела дух. Уф, можно пару раз вздохнуть. Мне бы еще научиться дышать во время движения, наверное, тогда станет немного легче.

Внезапно я дернулась вперед, голова боднула лобовое стекло, руль больно стукнул по груди. «Бах», – раздалось сзади. Мои «Жигули» пролетели вперед, прямо на пешеходную

«зебру». Две бабульки, тащившиеся через проспект, с воплем отскочили в сторону, а затем, проявив несвойственную для их возраста прыть, козами поскакали вперед.

Секунду я обалдело крутила головой в разные стороны, не понимая, что произошло, но потом возле дверцы замаячил высокий парень и принялся бубнить:

– Извините, сам не понимаю, как вышло. Оплачу ремонт вашего зада.

Я вылезла из автомобиля, обежала его и уставилась на покореженный багажник.

– Зад я вам почию, – нудил водитель, – не сомневайтесь, только дайте адрес и телефон, ваш зад станет как новенький...

– Мой зад, – сердито заявила я, – ощущает себя прекрасно, ему не требуется ремонт.

– Но, – растерялся парень, тыча пальцем в погнутое железо, – ваш зад, того, уже не зад.

– Мой зад при мне, – обозлилась я, – ношу его с собой, иногда сижу на нем, а вот задняя часть «Жигулей» в самом деле побита!

– Ладно, ладно, – покорно согласился мужчина, – хорошо. Артем.

– Простите, не поняла. Артем?

– Ну да, – кивнул виновник происшествия, – меня так зовут, впрочем, можно просто Тема.

Внезапно он улыбнулся, я невольно ответила ему улыбкой. Только сейчас я увидела, какой Артем симпатичный: высокий, крепкий, белокурый, голубоглазый, а мне всегда нравились мужчины нордической внешности. Мой бывший муж Михаил, отбывающий сейчас длительное наказание на зоне, был как раз таким, и одно время я его любила. Или мне это просто казалось?⁴

Выбросив из головы ненужные воспоминания, я постаралась обозлиться.

– Мне теперь из-за вас придется ремонтировать машину!

– Все сделаю сам, – засуетился Артем, – не беспокойтесь! Через два дня «Жигули», как новенькие, появятся у вашего подъезда.

Я старательно пыталась нахмуриться, но губы, как назло, улыбались.

Примерно через час появились представители ГИБДД. За то время, что мы потратили на их ожидание, Артем успел сбегать в ларек, купить газированной воды, шоколадку, чипсы, килограмм персиков... Все продукты он заботливо подсовывал мне, приговаривая:

– Угощайтесь, пожалуйста.

Время от времени у него трезвонил мобильный, он откидывал крышечку и говорил:

– Очень занят, позднее свяжитесь со мной.

Сержант, прикативший на бело-голубом «Форде», стал неторопливо рисовать схему места происшествия и выяснять обстоятельства произошедшего. Наконец мы подписали протокол. Я пошла к «Жигулям», багажник разбит, но мотор в порядке.

– Вы оставьте машину мне, – посоветовал Артем, – возьмите деньги на такси.

Я посмотрела на протянутые купюры.

– Спасибо, не надо, я очень люблю метро.

Я понеслась к подземке, благо в двух шагах возвышался столб с буквой «М».

– Евлампия, – неожиданно послышалось сзади.

Я обернулась. Тема стоял у моей машины. Откуда ни возьмись налетел ветер и растрепал его белокурые, чуть выющиеся волосы. Артем убрал со лба прядь, улыбнулся и спросил:

– Вам оставить прежний цвет?

Внезапно у меня отчего-то пересохло в горле.

– Что вы имеете в виду? – прошептала я.

С лица Темы сошла улыбка, и он абсолютно серьезно заявил:

⁴ См. книгу Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника».

– Машину, конечно, а не ваши волосы, у них совершенно изумительный оттенок, никогда не встречал женщин с такой красивой прической! Вам никто не говорил, что вы потрясающая красавица?

– Делайте, что хотите, – просипела я и понеслась к метро, чувствуя, как к лицу приливает жар.

В вагоне я достала пудреницу и глянула в крохотное зеркальце. Посеребренное стекло отразило один глаз с потекшей тушью, часть красной, словно запрещающий сигнал светофора, щеки и всклокоченные, стоящие дыбом, прядки – не так давно, по совету Юлечки, я постриглась под ежика. Интересно, я и впрямь понравилась этому Артему? Не успев так подумать, я страшно обозлилась на самое себя. Просто отвратительно демонстрировать комплексы двенадцатилетней девочки, услышав дежурный комплимент. Этот Тема, фигов водитель, заснул за рулем, устроил аварию, а потом принялся лебезить, чтобы я не устроила скандала. Небось у мужика жена и семеро детей по лавкам скачут.

Люда жила в красивом, новом доме из красного кирпича. Лифт поднял меня на шестнадцатый этаж. Лестничная клетка была застелена ковром, по углам стояли деревца в кадках, а двери квартир выглядели одинаково, все были выполнены из темного дерева и украшены бронзовыми ручками.

– Долго добирались, – заметила хозяйка, протягивая мне новенькие клетчатые тапочки, – наверное, сначала на Лиховский проезд отправились. Вечно народ Лиховскую улицу с проездом путает.

– Да нет, я сразу нашла, – ответила я, идя за Людой по коридору, оборудованному встроенными шкапами.

– Не против на кухне посидеть? – спросила хозяйка.

– Очень хорошо, там уютней всего, – быстро согласилась я.

Минут десять мы болтали ни о чем. Люда заварила чай, не мой любимый, цейлонский, но все равно вкусный, открыла коробочку с конфетами и банку с печеньем. Наконец я решила, что светские церемонии завершены, и осторожно спросила:

– Игорь отец вашего сына?

Люда молча встала и вышла. Я осталась одна и стала разглядывать кухню. Скорей всего Люда не нуждается в средствах. Большой, двухкамерный импортный холодильник, плита из нержавеющей стали, шкафчики, похоже, итальянские... На столе коробка хорошего печенья и дорогие шоколадные конфеты.

– Вот, – заявила, вернувшись, Люда и положила на стол свидетельство о рождении сына, – смотрите – Антон Игоревич Грачев.

– Примите мои соболезнования, – пробормотала я.

Повисла тишина, потом девушка глубоко вздохнула и неожиданно сказала:

– Вы не волнуйтесь, я не стану претендовать на имущество.

– Какое?

Люда прищурилась.

– Да ладно вам! Великолепно понимаю, зачем вы явились сюда.

– Я ищу убийцу Игоря...

Хозяйка замахала руками.

– Ладно-ладно, я ведь уже сделала вид, что поверила вам. Честно говоря, я побаивалась, а ну как драться начнете, но вы такая симпатичная... не беспокойтесь, я хорошо обеспечена, ваши капиталы не трону!

– Вы о чем?

– Никакая вы не следовательница, – воскликнула Люда, – а мама Игоря.

Я возмутилась до глубины души.

– С ума сошла, да? Я что, похожа на мать парня, справившего пару лет назад двадцатипятилетие? Так старо выгляжу?

– Смотрите вы очень молодо, – не дрогнула Люда, – с вашими деньгами небось любые подтяжки сделать можно.

– Меня зовут Евлампия Романова, сокращенно Лампа.

Люда рассмеялась.

– Поглупей еще что-нибудь придумайте, таких имен нет!

Я вытащила из сумочки паспорт и сунула под нос девушке.

– Действительно, – пробормотала та, – кто вы? Только не врите, что из милиции.

– Я ищу убийцу Игоря Грачева...

– Вот, – стукнула кулачком по столу Люда, – снова здорово! Если вас сюда отправила его мамаша, так и скажите!

– Выслушайте меня до конца! – возмутилась я.

– Ну, говорите, – вздохнула Люда и потянулась к сигаретам.

Когда я закончила свой достаточно обстоятельный рассказ, Люда помолчала, а потом уточнила:

– И вы решили, что Игоря убила я?

– Нет, такое не приходило мне в голову. Просто я подумала, что вы, очевидно, хорошо знаете окружение Грачева. Можете рассказать, кому он досадил? Вдруг взял в долг большую сумму денег и не отдал? Или обманул кого?

Люда стала возить по столу пустую кружку, видно было, что она пытается сообразить, как лучше поступить, наконец решение было принято.

– Ничем не смогу помочь! – решительно отрезала она. – Мы с Игорем мало общались.

– Но вы звонили ему домой и сказали, что мальчика надо вывезти за рубеж!

Люда пожала плечами.

– И что?

– А говорите – мало общались!

– Если честно, мы с ним виделись всего два раза, – преспокойно заявила Люда, – когда познакомились, а потом на регистрации ребенка.

Я постаралась сохранить самообладание.

– Вы забеременели, решили оставить ребенка, а Игорь усыновил дитя?

– Ну, – замялась Люда, – вроде так. Мы с ним не пересекались.

– И вы не требовали алименты?

– Зачем? С одной стороны, я сама хорошо зарабатываю, с другой – что можно взять с нищего студента?

– Ну вы сами только что приняли меня за мать Игоря, очень обеспеченную женщину. Неужели у вас никогда не возникало соблазна показать внука бабушке?

– Нет, – рявкнула Люда, – я не собиралась иметь никаких дел с этой семьей.

– Зачем тогда звонили?

– Я хочу уехать с Антоном в Испанию, на море, а без нотариально заверенного разрешения от отца ребенка не пустят за границу, – объяснила Люда.

Но ей не удалось договорить, потому что из коридора слышались тяжелые шаги и в кухню вошел полный мужчина с пакетами.

– На, – отдуваясь, сказал он, – разбери, там фрукты и всякое разное. Тоша спит?

Потом взгляд мужика упал на меня, и он весьма недовольно спросил:

– У тебя гости?

– Это частный детектив, – выпалила Люда. – Игоря Грачева убили, отца Антона.

– Так, – протянул мужчина, садясь на стул, – интересное кино! Кто же его, а?

Я хотела было открыть рот, но Люда, неожиданно впав в истерику, закричала:

– Вот она думает, что я! Намекала тут на богатство его родителей...

– Так, – голосом, не предвещающим ничего хорошего, повторил мужик, – ясенько!

– Глупости! – вспыхнула я. – Ваша Люда...

– С чего ты взяла, что она моя? – напрягся мужик.

– Ну... я просто так сказала.

– Гриша, – подскочила Люда, – все понятно, ее Алена подслала!

Гриша разинул рот, потом вытащил из кармана брюк шелковый носовой платок, вытер потное лицо и пробормотал:

– Ну и откуда бы ей, типа того, знать, а?

В ту же секунду я, глядя на сарделеобразные пальцы, униженные перстнями с бриллиантами, поняла: Гриша – дурак. В самом прямом смысле этого слова.

– Нет, это ее рук дело, – наседала Люда, – видно, решила разнюхать, не такая уж она и несчастенькая.

– Ну, типа того, – забурчал Гриша, – не права ты! Аленка нормальная.

– Вот! – взвизгнула Люда. – Вечно ты так! Ей все, а мне фигу! Между прочим, ребенка тебе родила я!

С этими словами она схватила одну из красивых кружек с изображениями собачек и шмякнула ее об пол. Веер осколков разлетелся в разные стороны. Людочка топнула ногой и выскочила из кухни. Я с жалостью посмотрела на руины чашки. Недавно видела похожую в магазине «Крокус-Сити» и даже держала ее в руках, но не купила, отпугнула цена. Фарфоровая чашечка стоила около семисот рублей, и мне это показалось неоправданно дорого.

– Ну, Людка, – покачал головой Гриша, – прям огонь! Во, как меня любит! Чуть чего, посуду колошматит! Ну не поверишь, третий сервиз покупаю! Ты лучше правду скажи, тебя Алена наняла?

– Это кто такая?

– Жена моя, – вздохнул Гриша, – Алена Сергеевна Маханина, промежду прочим, директором школы работает!

В его последних словах послышалась гордость.

– Нет, – улыбнулась я, – никогда не была знакома с Аленой Сергеевной Маханиной, директором школы. Наверное, она очень достойная женщина, но дела с ней я никогда не имела.

Гриша молча смотрел на меня круглыми глазами барана. Потом на дне зрачков заплескался признак какой-то мысли, через секунду он, сопя, вытащил из барсетки толстую пачку долларов и предложил:

– Ну, говори, сколько тебе Алена заплатила? Дам в два раза больше, поедешь к ней и скажешь: все фигня, набрехали люди, не бывает там Гришка. Ну, чего молчишь? Тебе, типа, деньги не нужны?

Я вздохнула и попыталась перейти на понятный парню язык.

– Ты, типа, не врубился, браток. Алену-то я не знаю. Мне, типа, требуется разнюхать, кто Игорьку на тот свет проездной документ выписал, вот я и явилась к Людке побазарить. Она, типа, жена Игоря.

Гриша насупился.

– Ты, типа, того, думаешь, она его?

– Типа, нет! – категорично ответила я. – Типа, не похоже. Но она может знать, кто его, типа, того!

– Почему? – медленно ворочал мозгами мужик.

У меня иссякло терпение.

– Спал он с ней! А многие в кровати бывают откровенны. Вполне возможно, что Игорь рассказывал Людмиле о своих проблемах, упоминал имена приятелей. Может, он деньги брал в долг и вовремя не отдал или обидел кого-нибудь, понимаешь?

– Да нет, – протянул Гриша, – не было этого.

– Чего?

– Не спал он с ней никогда.

– А ребенок откуда взялся?

– Ща, погодь, – ответил Гриша и выудил из кармана крохотный мобильник. – Слушаю! Кто? Ты? Чего? Покупай! Все! Без проблем! Возьми две! Только не переживай!

Он захлопнул крышечку и тяжело вздохнул:

– Ну бабы, блин! Ваше замучили! Какую ей шубу покупать! Ту или эту? Да хватай обе и отвяжись!

Качая головой, он раскрыл пачку самых дешевых сигарет, закурил и, выпустив вонючий дым, сказал:

– Ты, типа, того, послушай, чего расскажу.

Глава 8

Гриша – шофер и большую часть жизни провел за баранкой, образование у него восемь классов, потом техникум, и все. Собственно говоря, ничего, кроме как управлять автомобилем, он не умеет. Зато жена Грише попалась умная. За годы их брака она успела окончить педагогический институт и вырасти из простой учительницы русского языка до директора школы. Почему Алена Сергеевна жила с неотесанным Гришей, многим было непонятно. Уж очень разными казались супруги, да и детей господь им не дал. К тому же Алена, имевшая много частных учеников, зарабатывала в прежние времена куда больше мужа. Но чужая жизнь потемки, что-то, очевидно, связывало Маханиных, раз столько лет они вполне мирно существовали бок о бок.

На заре перестройки Гриша, как и многие другие, решил заняться торговлей. А поскольку лучше всего он разбирался в автомобилях, то начал продавать подержанные иномарки, и вот тут выяснилось, что у мужика редкостный талант зарабатывать деньги. Царь Мидас просто отдыхает около Гриши. Их величество превращало в золото все, чего касалось руками, а Григорию было достаточно посмотреть на объект, как из того начинал бить фонтан зеленых купюр. Очень многие предприниматели не продержались на рынке и года. Гриша же словно был женат на удаче. Сейчас он владелец нескольких автосалонов, парочки сервисов, кроме того, ему принадлежит бензозаправка, одним словом, материальных проблем никаких, одни моральные.

С Гришей произошло то, что частенько происходит с мужчинами на пороге пятидесятилетия. Им начинает казаться, что жизнь безвозвратно утекает сквозь пальцы, а они ее и не видели. Он никогда не изменял своей жене, а тут бес попутал. Ехал в дождь по дороге и увидел совершенно мокрую, хорошенькую девчоночку, голосующую на обочине. Сами понимаете, что Гриша не подрабатывает «бомбизбом», он просто пожалел дурочку, ливень хлестал как из ведра.

Через год Людочка родила мальчика, и перед Гришей во всей красе возник извечный вопрос: что делать?

Став отцом в том возрасте, когда многие сверстники уже забавляются с внуками, Гриша безумно полюбил сына. Но он не хотел и не мог оставить Алену. Кроме того, Григорий боялся, что жена узнает о существовании незаконнорожденного отпрыска и попадет в больницу. У Алены большое сердце, Грише очень нравилась веселая Людочка, с ней он становился моложе. Его умиляла манера молодой женщины закатывать истерики. Алена никогда не била посуду и во всех семейных сценах всегда «держала лицо». Гриша же, как правило, выходил из себя и начинал орать. Потом его стали мучить угрызения совести, он покупал жене очередные серьги с бриллиантами и чувствовал себя просто негодяем. Во время скандалов Алена обычно молчала, и Грише всегда казалось, что он несдержанный хам, очень некомфортное ощущение.

Людочка же мигом принималась колотить посуду и орать, один раз она стукнула любовника скалкой. В другой, приревновав Гришу, сложила его новый костюм в пакет и выбросила в окно. Но, несмотря на истерические всплески, с Людочкой Грише было легче, чем со сдержанной, не сказавшей за всю семейную жизнь ни одного бранного слова, Аленой. Зато жена могла дать ценный совет, она очень хорошо разбиралась в людях и пару раз удержала мужа от сомнительных сделок. Еще с Аленой было приятно ходить в гости. Умная, начитанная, она могла поддержать любой разговор, и Гриша пыжился от гордости, когда жена спокойно обсуждала с кем-нибудь книгу Мураками.

Людочка же не читала вообще, зато она обожала футбол и азартно болела, подпрыгивая в кресле. С ней можно было особо не церемониться, развалиться в трениках на диване и прихлебывать пиво прямо из бутылки, с Аленой такое не проходило. Зато Алена очень вкусно готовила, пекла изумительные пироги и варила обожаемое Гришей «царское» варенье. Жене было

не лень вытаскивать из крыжовника мякоть, отдельно от шкурок готовить ее в сиропе, а потом запихивать в «одежку». Люда не умела пожарить яичницу, но она родила Антошу. Алена же, несмотря на годы, проведенные в клиниках, осталась бесплодной, зато она имела кучу знакомых и десятки благодарных ей родителей. Любую проблему Алена решала при помощи записной книжки. Когда у Гриши возник напряг с покупкой помещения для очередного магазина, именно жена решила эту задачу. В ее школе учился сын бабы, которая занималась продажей нежилых зданий...

В конце концов Гриша запутался окончательно и пришел к неутешительному выводу: он любит обеих. Одно время в его голове зрела дикая идея: позвать Алену и Люду в ресторан и предложить им жить вместе. Разбогатевший шофер даже провел небольшую разведку. Проявив несвойственную ему хитрость, сказал Алене:

– Прикинь, какая история с другом приключилась. Родила ему девка сына...

Жена спокойно выслушала мужа и, мягко улыбнувшись, ответила:

– Не знаю, как поступит супруга твоего знакомого.

– А ты бы че сделала? – напрягся Гриша.

Алена категорически заявила:

– Мигом бы собрала вещи и ушла бы. Впрочем, мне повезло, что ты честный человек, не способный на подлые поступки. Я бы недалеко ушла, знаешь ведь про мое больное сердце. Скорей всего подобная новость просто убьет меня. Инфаркт часто случается на фоне стресса.

Гриша растерянно замолчал. Так они и жили какое-то время, но потом Люда устроила дикую истерику:

– У моего сына в графе «отец» стоит прочерк, – вопила любовница, – представляешь, какой позор начнется сначала в детском саду, потом в школе? Его задразнят! Запиши ребенка на себя.

Гриша, с одной стороны, понимал, что Люда права, но с другой – боялся, что любовница подстережет Алену и сунет той под нос свидетельство о рождении мальчика. Люда была способна на такой поступок. Впрочем, она могла так позабавиться и сейчас, но у Гриши оставался теоретический шанс отбиться, бормоча:

– Типа, ничего не знаю, врет она.

А если в руках у Люды появится официальное свидетельство подтверждения его отцовства, тогда как?

От всех переживаний Гриша даже похудел. Ему хотелось взять баб, перемешать вместе и вылепить из них одну, идеальную в его понимании жену. Хозяйственную, простую, без интеллигентских закидонов, но не дуру, не хамку, спокойную тетку, изредка бывшую посуду, хорошую мать и уважаемую всеми учительницу. Ясный перец, что такой вариант был невозможен. Если бы Гриша читал Гоголя, он бы мигом вспомнил его пьесу «Женитьба» и терзания главной героини, желавшей приставить нос одного своего кавалера на лицо другого. Но Гриша классика не знал, чувством юмора не обладал и мучился от казавшейся безысходной ситуации.

Но, видно, верно говорят люди: если чего-то очень хотеть, оно исполнится. Гриша приехал в один из своих салонов на инспекцию и наткнулся там на симпатичную молодую женщину Надю, желавшую купить подержанный «Фольксваген Гольф». У Нади не хватало трехсот долларов, и Гриша сделал ей скидку.

– Эх, – бормотнул он, – кабы мои проблемы так же легко решились, как ваша! Вот кто бы их за меня распутал?

– Может, я могу помочь? – участливо спросила Надя.

Гриша глянул на женщину. Надю нельзя назвать красивой, но в ее лице было что-то располагающее. Гриша с утра уже выдержал истерику от Люды, вернулся домой попить кофе, не сдержался, наорал ни за что ни про что на Алену и теперь чувствовал себя гаже некуда.

В кабинете они сейчас были одни, и неожиданно Гриша выложил незнакомой бабе все свои горести.

В Америке и в Европе люди ходят в подобных случаях к психотерапевту, но россияне массово путают этого специалиста с психиатром и предпочитают выливать свои проблемы на головы случайных людей, соседей по купе или мимолетных знакомых.

Надя выслушала Гришу и сказала:

– Проблема проста, как табуретка. Нужно найти не слишком богатого мужчину, который признает Антона своим сыном. Чтобы Люда согласилась на это, вы должны положить на ее имя крупную сумму или переписать на любовницу часть бизнеса.

Гриша разинул рот. Подобный вариант не приходил ему в голову, но где найти «папочку»? И снова Надя пришла на помощь.

– Я работаю в брачном агентстве, – сказала она, – знаю одного паренька, Игоря Грачева. Хороший мальчик, у него какие-то проблемы с родителями, они его из дома выгнали, ну да это нам неинтересно. Игорь нуждается в деньгах, думаю, он согласится!

– Ты, типа, того, – занервничал Гриша, – коли уломаешь парня, я тебе «Фольксваген» подарю. Да не бери тот, что купить сейчас решила. Он говно, битый весь был... Сам найду тачку, усекла?

– Усекла, – хмыкнула Надя, – жди звонка.

Дело уладилось в две недели. Сначала Люда принялась бешено орать и бросать в стену тарелки, но потом сообразила, что Гриша не собирается от нее уходить, и замолкла. Окончательно примирила ее с ситуацией бумага, из которой явствовало, что Людочка теперь является владелицей приносящего немалый доход комплекса, состоящего из бензоколонки, магазинчика, кафе и небольшой гостиницы. Все было оформлено чин-чинарем, и она смирилась. Гриша вздохнул спокойно. Алена ни о чем не подозревала, Людочка вела себя смирно, Надя получила почти новый «Форд» – короче говоря, все были довольны и счастливы, пока тут не появилась я.

– Ну теперь, типа, поняла? – тыча в меня пальцем, поинтересовался Гриша.

Я кивнула.

– Вроде разобралась. Похоже, вы тут ни при чем.

– Проблемы опять начнутся, – гудел Гриша.

Я хотела было успокоить его. Наоборот, получается, что у Антона отец умер, и никаких хлопот. Но, похоже, Гриша боялся, что Люда теперь потребует, чтобы родной папа признал ребенка.

– Дела, – качал головой папаша, – ну какого хрена его убили? Кто? Небось долгов наделал. Не понравился мне он.

– Игорь?

– Ну да, – кивнул Гриша, – свистун. Видно, что на шмотки деньги спускает.

– Что же тут плохого? – улыбнулась я. – Молодой, хочется хорошо выглядеть.

– Так если бабок совсем нет, на хрена на барахло тратиться, – пожал плечами Гриша, – вложи их в дело, приумножь, а потом хоть на «мерсе» катайся. Нет, похоже, он не из деловых, так, болтун. Значит, тебя не Алена подслала?

– Нет, – успокоила я его, – совершенно другой человек, вы с ним незнакомы. Сейчас я уйду, и больше мы не встретимся.

– Вот и славно, – повеселел Гриша, роясь в карманах, – на, держи визитку, ща, погодь.

Из барсетки появилась золотая ручка устрашающих размеров. Гриша снял колпачок и старательно написал в углу «10%», затем поставил закорючку и, всовывая мне карточку, заявил:

– Надумаешь тачку покупать, заходи, это тебе суперскидка!

– Спасибо, – улыбнулась я, – не премину воспользоваться когда-нибудь.

- Ну, типа, прощай, – сказал Гриша.
- Ну, типа, до свидания, – отозвалась я и ушла.

Глава 9

Не знаю, как у вас, а в нашей семье раз в год случается настоящий кошмар под названием «переезд на дачу», и хуже его только то, что называется «отъезд в Москву».

Дом наш расположен в Подмоскowie, в местечке под названием Алябьево, и он совсем новый, его построили недавно. Историю о том, как развалилась старая фазенда и кто возвел нам эти хоромы, я уже рассказывала и повторять тут не стану⁵. В теперешнем доме есть все: мебель, холодильник, кухня... Казалось бы, что везти с собой? Так, ерунду, постельное белье, носильные вещи, телевизоры, радиоприемник, стиральный порошок, цветы, обувь, подушки, одеяла, пледы, любимые книги, компьютер для Лизы, кучу игрушек для Кирюши, два велосипеда, ролики, столовые приборы, тарелки, кастрюли, тапки, удлинители, настольные лампы...

Впрочем, большинство из вещей нужно просто купить в двойном размере и оставить одну часть на даче. К слову сказать, так оно и было, пока нас не ограбили. Воры утащили все, что смогли, а оставшееся разломали и испачкали. После этого случая мы таскаем все с собой. Перед отъездом я бегу на рынок, приобретаю там безразмерные баулы, знаете, такие белосиние или бело-красные, с которыми «челноки» мотаются в Турцию, и запихиваю в них все, подлежащее вывозу.

В этом году я планировала отъезд позже, чем обычно, потому что Кирюшка сдает экзамены. Поэтому представьте мое удивление, когда, вернувшись домой, я обнаружила в коридоре шеренгу туго набитых сумок и включенных Юлю с Магдаленой, азартно запаковывающих вещи.

– Где ты шляешься? – налетела на меня Сережкина жена. – А ну живо начинай собираться.

– Но...

– Давай, двигайся, – велела Юлечка, – завтра в девять утра едем в Алябьево.

– Почему? Хотели же позже туда перебраться! Кирюша же экзамены сдает!

– Ничего с ним не случится, – пыхтела Юля, пытаясь закрыть молнию на очередном бауле, – на электричке пару раз в город съездит, не развалится.

– Отчего такая спешка? – недоумевала я.

Юля села на стул и устало пояснила:

– Сережка отправляется в Коктебель на фестиваль рекламы за счет своей фирмы.

– Вот повезло! – обрадовалась я. – На дармовщину отдохнет!

– Точно, – кивнула Юля, – но самое невероятное, что мой журнал посылает меня туда же в командировку!

– Такое раз в жизни случается!

– Именно, – ухмыльнулась Юлечка, – как ты одна выезжать будешь, а? От Кати толку нет.

– Вовка поможет, – бодро начала я и осеклась. Костин уехал на Селигер.

Юля встала и принялась расправлять очередную сумку.

– Завтра мы на трех машинах выедем в Алябьево, устроим вас там и со спокойной душой махнем в Коктебель.

– Мои «Жигули» в ремонте, – напомнила я.

– Поедешь на Вовкиной машине, – отрезала Юля, – а теперь ступай запаковывать кастрюли.

Я пошла на кухню, шаркая тапками, словно столетняя бабка. Надо же, я считала, что до кошмара есть еще время, а он, оказывается, уже тут как тут. Еще я не люблю ездить на Вовки-

⁵ См. книгу Дарьи Донцовой «Фиговый листочек от кутюр».

ной «шестерке», потому что и со своей-то управляюсь без всякого удовольствия. И похоже, сегодня поспать не удастся.

Ровно в восемь утра мы начали процесс запихивания тюков в багажники.

– В прошлом году было меньше вещей, – констатировал Сережка, – чего вы понабрали, а? Ерунду всякую.

– Тут только самое необходимое, – пояснила я.

– Сто семьдесят тысяч крайне нужных вещей, – бубнил он, пытаясь поднять самый большой баул, – вы прихватили чугунные батареи? Вырвали их из стены?

– Здесь кастрюли, – заявила я.

– Чтоб им сгореть, – выдохнул Сережка и водрузил сумищу на крышу «Жигулей».

Дальше пошло легче. Спустя примерно час шмотки были утрамбованы.

– Несите веревки, – велел Сережка.

– Зачем? – удивилась я.

– Лампудель, – взвыл он, – каждый год ты с тупым упорством задаешь один и тот же вопрос. Пора запомнить! Сумки, те, которые на крыше, привязывают! А теперь живо неси бечевки.

Естественно, ничего даже отдаленно похожего на шпагат у нас не нашлось, и пришлось бежать в магазин.

– Ты двигаешься со скоростью беременной черепахи, – разозлился Сережка, получив мотки, – уже половина десятого, а мы еще тут.

– Извини, – отдуваясь, оправдывалась я, – пришлось идти на проспект, потому что...

– Она же шелковая! – перебил меня Сережка. – Лампудель! Ты купила скользкие веревки!

– И что?

– Их невозможно хорошо завязать!

– Ладно, побегу искать другие, – покорно согласилась я.

– Нет уж, – категорично заявила Юлечка, – так мы до ужина не уедем, крепи этими.

– Развяжутся! – сопротивлялся Сережка.

– Нет!

– Да!!

– Нет!!!

– Да!!!!

Понимая, что сейчас супруги начнут открытые военные действия, я хотела было сказать: «Мухой слетаю за веревками», но тут вдруг Сережка вполне мирно заявил:

– Ладно, будь по-твоему, но, если сумки слетят...

– Не слетят, – топнула ногой Юлечка, – прекрасно доедут. Багажник на крыше только у Вовкиной машины, за рулем будет Лампа, она ездит тихо.

После привязывания баулов наступил следующий этап. Из дома вывели собак. Животные понимали, что происходит нечто неординарное, и нервно поскуливали. Юля открыла дверцу:

– Эй, сюда!

Рейчел спокойно вспрыгнула на заднее сиденье, коротколапые Муля и Ада бестолково суетились, пытаясь оттолкнуть друг друга, Рамик перепрыгнул через них и сел впереди.

– Интересное дело, – возмутилась я, – они что, все со мной?

– У нас сиденья забиты, – хором ответили супруги, – дети тоже с тобой!

– Потом Мулю всегда тошнит, – заявил Сережка, – терпеть не могу ее возить!

Ага, а я обожаю катать собачку, которая обладает синдромом обратной перистальтики. Кстати, Ада во время дороги воеет, Рейчел начинает громко икать, а Рамик трясется, словно сидит под током. Почему мне всегда достается самая неприятная задача? Хорошо хоть кошка Пингва путешествует в перевозке.

Не успела я возмутиться, как из подъезда появилась Магдалена с небольшой кадкой, из которой торчал длинный ствол, украшенный шапочкой листьев. Пальма!

Несколько лет назад одна из подружек подарила Лизавете на день рождения это жуткое растение. Сначала в небольшом горшочке жил крохотный росточек, но уже к зиме он вымахал, и его пришлось пересаживать. Пальма становилась все выше, горшки все объемнее. Теперь у нас кадка, а само растение, примерно метрового роста, выглядит отвратительно. Довольно тонкая, неправдоподобно длинная нога, венчающаяся тремя листочками. Толку от пальмы никакого. Она не пахнет, не цветет и не дает съедобных плодов. Над ней летают мошки, а еще Лиза поливает ее какой-то вонючей жидкостью. Вот уже несколько лет я надеюсь, что она засохнет. Однажды, когда Лизавета уехала на зимние каникулы, я не поливала пальму и, потирая руки, поджидала ее смерти. Но отчего-то дитя африканского континента даже не сбросило ни одного листочка. Похоже, пальма переживет меня.

– Магдалена, – скомандовала Юля, – садись на переднее сиденье, кадку ставь на пол и держи ее ногами, поняла?

– Ага, – пискнула девочка и полезла в «Жигули».

Рамик покорно перебрался на заднее сиденье. Следом из подъезда вырулил Кирюшка с аквариумом, в котором мирно спала жаба.

– Ты к собакам, – велел Сережка.

– Меня укачивает, – заныл мальчик, – пусть Магдалена сидит сзади.

Девочка безропотно повиновалась, Кирюшка устроился на ее месте. Через секунду Магдалена пробормотала:

– Пальма не лезет.

– Не может быть, – обозлился Сережка, – только что же входила!

– А теперь нет.

Мы заглянули внутрь и констатировали странное обстоятельство. Мерзкое растение на самом деле было согнуто и грозило сломаться. Отчего это произошло, я не понимаю до сих пор! Машина-то одинаковая по высоте что спереди, что сзади.

– Пусть так едет! – обрадованно воскликнула я, тайно надеясь, что сейчас-то уж точно лишусь пальмы навсегда.

– Ага! – фыркнула Юля. – А потом Лизка нас убьет. Ну-ка, меняйтесь местами!

Магдалена беззвучно выполнила приказ.

– Меня тошнит сзади, – уперся Кирюша.

– Тогда отдай аквариум и бери пальму, – не растерялась Юля.

– Ни за что! – взвыл мальчик. – Не поеду с идиотским горшком! Вообще тут останусь!

Не нужна мне ваша дача на фиг!

Магдалена тихо стояла у машины, сжимая кадку. Я вздохнула. Может, правы те, кто утверждает, что детей надо бить? Клава небось все детство лупила дочку, и вот она теперь само послушание.

– Немедленно полезай назад, – приказал Сережка.

– Меня стошнит, – зудел Кирюшка, – плохо станет.

– Давайте привяжем кадку наверху, – предложила я.

Секунду Сережка стоял с раскрытым ртом, потом, слегка покраснев, заорал во всю мощь легких:

– Молчать!!!

Кирюшка мигом переместился назад, Магдалена юркнула вперед, я села за руль, включила зажигание и медленно тронулась с места. На крыше загрохотали кастрюли, Ада завывала, Муля закашляла, Рейчел стала издавать квакающие звуки, Пингва зашипела, Рамик заворчал, по салону поплыл отвратительный запах удобрений... Мы выехали на проспект, и тут Магдалена тихо спросила:

– Едем на дачу?

За рулем все мое внимание отдано дороге, поэтому я ответила односложно:

– Да.

– Надолго?

– На все лето.

– Сюда не вернемся?

– Только осенью.

– А как же папа? Он в комнате спит, пьяный!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.